

ЕВРЕЙСКИЙ ЖАМЕРТОЧ

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

ЕВРЕЙСКИЕ МОТИВЫ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Лилия БЕЛЬСКАЯ

*"Такой же, как наша,
не сыщешь на свете,
ранимой и прочной
душевной фактуры:
двух родин великих
мы блудные дети -
еврейской земли
и российской культуры".*
Игорь Губерман

Еврейская тема, возникшая в творчестве русских поэтов-классиков, начиная от Пушкина и Лермонтова и кончая Меем и Надсоном, с появлением в начале XX века писателей-евреев, пишущих по-русски, зазвучала более отчетливо (Саша Черный, Маршак, В. Жаботинский, Х.-Н.Бялик), но постепенно под влиянием ассимиляции (Мандельштам, Пастернак, Эренбург) и под давлением советской власти (Светлов, Багрицкий, Уткин, Сельвинский) все сильнее приглушалась и стала возрождаться только после смерти Сталина, в период оттепели (М.Алигер, Слуцкий, Галич, Высоцкий, Евтушенко).

А когда начался исход евреев из России, появляются сборники стихов на еврейскую тему. Первый опыт такого издания был осуществлен в Израиле в 1974 году (Библиотека "Алия", репринт в 1990 г.) - "На одной волне. Еврейские мотивы в русской поэзии". Составитель Т.Должанская собрала произведения свыше 40 авторов XIX-XX вв. (русских и евреев), найденных ею в дореволюционных и зарубежных книгах, советских журналах, в самиздате и рукописях. Понятно, что охватить большой объем материала она не смогла, пропустив стихи Пушкина, Лермонтова, Саши Черного, не зная авторства некоторых текстов (Слуцкого, Аронова).

Зато предпослала сборнику содержательное предисловие, охарактеризовав произведения многих поэтов - от Бунина и Цветаевой до Коржавина и Галича и закончив надеждой на "преодоление великого проклятия диаспоры".

Наиболее полная подборка стихотворений по еврейской проблематике представлена в антологии "Менора. Еврейские мотивы в русской поэзии" (М., изд-во Московского еврейского университета, 1993; под редакцией М.Колпаковой), куда вошли 117 авторов и 293 текста. Она построена не по алфавитному принципу (как предыдущая), а по тематическому - семь разделов: "тысячелетие пути народа, магия Святой земли, катастрофа XX века, русское еврейство, тайны ненависти и любви, вечная книга, женщины Сиона" ("От редактора"), что, безусловно, более квалифицированно и удобно для читательского восприятия.

Можно упомянуть еще одно собрание стихов - "Еврейская тематика в русской поэзии" (А.Зелинский, Интернет; больше 40 авторов, в том числе барды) и статью Эллана Пасика (Мельбурн) в "Записках по еврейской истории" (2005, № 4) "Еврейские мотивы в творчестве русских поэтов", в которой рассматриваются произведения только русских по национальности стихотворцев и по периодам - Золотой век русской литературы, послепушкинская эпоха, Серебряный век, советский период (от Жуковского до Б.Чичибабина и А. Деметрива).

Мы же хотим обратиться к творчеству русско-еврейских поэтов, для которых вопрос национальной самоидентификации стоит особенно остро и болезненно и которые освещают еврейскую тему не "извне", а "изнутри". Не претендуя на всеохватность, сосредоточимся на поэзии конца XX - начала XXI вв.

Приходится признать, что евреи, жившие в СССР, по вине советского режима были в массе своей ассимилированы и русифицированы, к тому же опасались высказываться по поводу "пятого пункта". Как иронически напишет позднее в одном из своих "гариков" И. Губерман: "Катаясь на российской карусели, / наевшись русской мудрости плодов, / евреи столь изрядно обрусели, / что всюду видят происки жидов". Достаточно вспомнить поэзию Д.Самойлова, Ю. Левитанского, К.Ваншенкина, А. Межирова, Я.Хелемского. Да и самые известные поэты-эмигранты 70-х годов (И.Бродский, Н. Коржавин, Л.Лосев) редко касались национальной проблемы. У раннего Бродского она едва проглядывала ("Еврейское кладбище около Ленинграда", поэма "Исаак и Авраам"), однако потом он вообще почувствовал себя гражданином мира. По словам Шимона Маркиша,

"еврейской темы, еврейского материала" поэт Иосиф Бродский не знает, этот "материал" ему чужой". Пожалуй, больший интерес к этому вопросу проявлял Лев Лосев, подчеркивая, что он не русский и не Лосев, а Лифшиц и "отросток Авраама, Исаака и Иакова", что у него "еврейский паспорт", что в мире "жидомасонский заговор в разгаре", и хорошо бы еврею возлюбить еврея. А в стихотворении "Крещеный еврей" им придумана забавная и поучительная сага, как евреи внесли еврейскую ноту в славянский фольклор - в песню, сказку, гимн.

Те, кто эмигрировали в Америку и Европу, ощущали себя гражданами мира или сохраняли привязанность к покинутой отчизне и тосковали по ней, редко проявляя свою приверженность к еврейской нации. Так, Н.Коржавин, хотя и не скрывал, что по происхождению он еврей, но уверял, что "по самоощущению - русский" и всегда был и остается русским поэтом. Лишь иногда в эмигрантской поэзии возникают еврейские мотивы: библейские герои (Лазарь, который "умер дважды" у В. Гандельсмана, "Моисей" Ирины Акс); биографические факты, связанные с гибелью родных - "Как хлеб они пекли мацу, / и кто был их раввин, - я не узнаю", "Их Гитлер всех убил" ("Зажигая Ханукию" Бен-Эфа); воображаемые "воспоминания" трехлетнего малыша о 1953 году, как его семья бредет с вещами к поезду, охраняемому солдатами, "и мы на нем поедим далеко" (Л.Мармур); память о бесчисленных страхах, которые не забываются, - "ленинградский, еврейский, тоталитарный" (М.Темкина).

По нашим наблюдениям, американские и европейские эмигранты предпочитают изображать новое отечество либо ностальгировать о прежнем. Тот же Коржавин, принявший на старости лет православие, сознает, что, покинув Россию, "уйти от нее" не смог и продолжает жить ею: "Мы - кто пестовал веру / В то, что миру мы

Окончание на стр. 14

Ян ТОПОРОВСКИЙ

ФИГУРА УМОЛЧАНИЯ

Информация, порождающая вопросы. Последний раз на официальном уровне о Якове Бернштейне-Когане вспоминали (поправьте, если ошибся!) в Государстве Израиль в 1959 году на собрании в "Бейт-Бессарабия", в зале которого любили собираться выходцы из Румынии и Молдовы. Сообщение о вечере памяти Якова Бернштейна-Когана было напечатано в тонюсеньком (на идиш) журнале "Новости из Объединения выходцев Бессарабии в Израиле" (№17, сентябрь, 1959):

"29 июня 1959 года в Тель-Авиве прошел вечер, посвященный 30-й годовщине со дня кончины д-ра Якова Бернштейна-Коэна (фамилию пишут то Коган, то Коэн. - Я.Т.) и 100-летию со дня его рождения. Почтить память покойного пришли его земляки по Кишиневу и Бессарабии и многочисленные жители Израиля, познакомившиеся с ним уже здесь. В зале был установлен бюст Бернштейна-Коэна, хранящийся в Бессарабском музее.

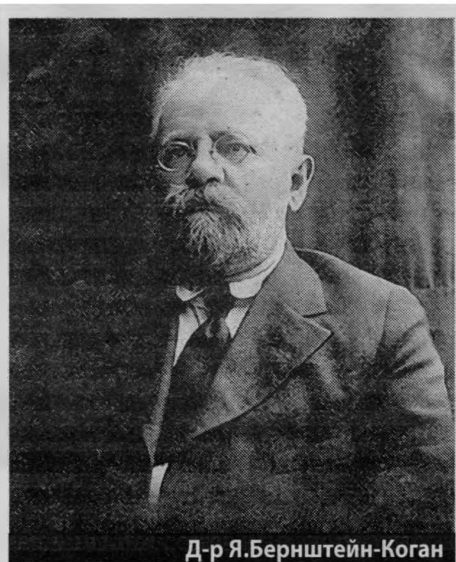
В своем вступительном слове Ицхак Корн (идишский писатель. - Я.Т.) воздал должное светлому образу д-ра Бернштейна-Коэна и напомнил о трагической смерти, постигшей его вдали от родного дома, детей и друзей. Корн рассказал, как д-р Бернштейн-Коэн мечтал найти себе достойное место на этой земле, но так и не успел.

Преданный своим целям и идеям, до предела близкий массам, любимый и ценный народом д-р Бернштейн-Коэн прожил долгую и плодотворную жизнь, закончившуюся столь трагически.

Эта информация только порождает вопросы: почему доктору Бернштейн-Когану, человеку, известному в сионистских кругах многих стран, не удалось "найти себе достойное место на этой земле"? Почему идеолог оппозиционеров-сионистов, всю жизнь боровшийся за создание еврейского государства именно в Палестине, умирает "вдалеке от родного дома, детей и друзей"? И в чем состояла трагедия его жизни и смерти?

На вечере памяти Бернштейна-Когана выступала его дочь Мирьям. Ее речь была обращена к землякам-кишиневцам и бессарабцам, еще помнящим ее отца. Но Мирьям (Мирьям Бернштейн-Коэн, израильская актриса, одна из зачинательниц израильского театра. - Я.Т.) ни слова не сказала о трагедии жизни и смерти своего отца, о которых извещают "Новости из Объединения..."

В академическом, можно сказать, издании - Краткой Еврейской энциклопедии, Якову Бернштейну-Когану отведено всего два абзаца: "Год рождения - 1859, Кишинев. Год смерти - 1929, Украина. Еврейский общественный деятель в России. Изучал медицину в Петербурге и Дерпте. После волны погромов, проживавших в 1881 по Южной России, посвятил себя еврейским проблемам. Был делегатом Первого сионистского кон-

Д-р Я.Бернштейн-Коган

гресса, активным членом и идеологом Демократической фракции (1901) и одним из лидеров оппозиции русских сионистов "плану Уганды".

Поселившись в 1907 году в Палестине, Бернштейн-Коган работал врачом в Нижней Галилее и Петах-Тикве. Был одним из основателей Объединения врачей в Палестине в 1908 году. В 1910-м возвратился в Кишинев. В 1925 г. снова вернулся в Палестину, но принял вскоре предложение "Джойнта" работать врачом в еврейских сельскохозяйственных колониях на Украине, где и умер.

Выбор места для государства. Во времена сионистских конгрессов рассматривалось огромное количество проектов создания еврейского государства, в том числе и "План Уганда". План этот был представлен лично Теодором Герцлем на Шестом сионистском конгрессе (август 1903 г.) и вызвал ожесточенные споры. Но, несмотря на споры, план создания еврейского государства в Уганде был все же принят. Посудите сами: "за" Уганду - 295 голосов, "против" - 176, воздержались - 132.

Во время конгресса большинство членов исполнительного комитета Сионистской организации вручили Герцлю заявление о своей оппозиции этому плану и покинули зал заседаний. За ними последовали и другие делегаты, в большинстве - из России. На неофициальной встрече с представителями оппозиции Герцль убеждал их в том, что он продолжит добиваться признания права евреев на поселение в Эрец-Исраэль. Ядро оппозиции составляли молодые сионисты Лео Моцкин, Хаим Вейцман, Яков Бернштейн-Коган (Россия), который возглавлял Почтовое бюро, осуществлявшее связи между сионистскими организациями Российской империи, и Мартин Бубер (Германия).

Раскол в рядах сионистов, вызванный принятием "угандийского плана", был настолько глубок, что на харьковской конференции (октябрь 1903 г.) противники плана объединились в группу "Ционей

Цион" (Сионисты Сиона). В этом же году Яков Бернштейн-Коган выпускает свою брошюру "Отповедь: Слово в защиту сионизма" (Киев. Издательская группа студентов-сионистов).

Харьковская конференция направила к Теодору Герцлю делегацию, которая должна была вручить ему ультиматум с требованием отказаться от "плана Уганды". Но Герцль делегацию не принял.

На заседании исполнительного комитета Всемирной сионистской организации (11 апреля 1904 года) между противниками и сторонниками плана было достигнуто примирение. Произошло это лишь потому, что британское правительство отказалось от своего обещания по оказанию помощи в создании еврейского национального очага в Уганде.

Только на Седьмом сионистском конгрессе, состоявшемся в 1905 году, уже после смерти Герцля, "план Уганды" был окончательно отвергнут депутатами на основании отрицательного заключения комиссии, направленной в Африку Шестым конгрессом для изучения вопроса на месте.

Тьма, накрывшая Иерусалим. К переезду в Палестину Яков Бернштейн-Коган готовился заранее. Он встретился в Париже с Хаимом Вейцманом и посоветовался на счет будущей работы. Вейцман обещал ему предоставить самый широкий выбор в общественном секторе. Второй раз - уже перед самим переездом - Бернштейн говорил с Вейцманом уже в Карлсбаде. В ответ: "Не надо долго думать". То же самое ему настойчиво рекомендовал и писатель Ахад га-Ам. Но когда семья Бернштейн-Коганов прибыла в Эрец-Исраэль, никто из соратников-опозиционеров прежних лет, в том числе и Усышкин, не предложили идеологу оппозиции работу, в которой он мог бы использовать свои знания и опыт.

Может быть, этому предшествовала встреча с давним соратником Хаимом Вейцманом (Бернштейн-Коган говорит о нем, как о "старом соработнике"). Беседовали они страстно. Это вообще было принято в сионистских кругах и среди сионистских товарищей, но вызвало (на этот раз) из преисподней то, что доктор Яков Бернштейн-Коган назвал "мрачной силой, которая всеми способами держит меня вдали от вмешательства в "палестинское строительство", подальше от участия в будущих судьбах и направлении жизни в стране".

Так что же надо было сказать, чтобы вызвать к жизни эту тьму?

Обрывки того разговора приведены в "Мемуарах" Якова Бернштейна-Когана, которые он пытался опубликовать в еврейской прессе Палестины, но не смог: "...Навестил в Тель-Авиве старого соработника, Хаима Вейцмана, беседовал с ним страстно и доказывал ему, на какой

опасный путь "компромиссов" он попал, что ему недалеко "до фашизма". Он берет на себя чересчур большую историческую ответственность, бросив путь "народного движения" и переходя в лагерь "гвиократии". Он мне гордо объявил, что ни в чьей помощи и советах не нуждается, что спокойно берет на себя "историческую ответственность" и вообще не знает, о каком таком "народном движении" я говорю. Если он и признает "живого" народа, его "живой" реакции не видит и следа".

Сошлись, можно сказать, две скалы. Хаим Вейцман и Яков Бернштейн-Коган. Искры и осколки камней полетели в разные стороны. Но что прощается на сионистском конгрессе в Базеле (а там схватки были и покруче!), не прощается в Иерусалиме, где тьма, как писал Булгаков, пришедшая со Средиземного моря, накрывала ненавидимый прокуратором город.

И первым делом - гору Скопус, на которой собирались проводить торжественную церемонию по случаю создания первого Еврейского университета. На просьбу Якова Бернштейна-Когана о выдаче ему двух билетов (на него и жену) на сидячие места поближе к трибуне - ответа не последовало. Не приняли во внимание и официальные приложения к просьбе: "...удостоверение о том, что д-р Бернштейн-Коган уполномочен от всей Бессарабии принести университету привет и поздравления. Мандат был подписан Правлением in corpore всех организаций "Мизрахи", "Allgemein" сионистов и Цейре-Цион всей Бессарабии". А к документам прилагались и наградные свидетельства: "Податель сего" Почетный член и уполномоченный Хавеве-Цион" (Одесс. комит.), Учредитель "Jewih Colonial Trus" и "Национального фонда", активный работник палестинского дела в течение 43 лет".

Но иерусалимская тьма, даже в этот солнечный день, была непроглядна. К тому же Бернштейну-Когану ничего не было слышно, ибо для него нашлось место (поспособствовал Усышкин) только на задних скамьях, высеченных в скале, да и сидеть пришлось под палящими лучами солнца. И человеку, пробившему план создания еврейского государства в Палестине, наперекор "угандийскому плану" Герцля, "с трудом удавалось через пятое на десятое улавливать отрывки из речей ораторов".

С высоты каменной галерки был виден весь бомонд. Все "первые лица", вернее, спины сионизма: 10000 человек. (Герцлю такое количество сионистов и не снилось!). Идеологу сионистов-опозиционеров, который собирался выступить с поздравлениями от евреев Бессарабии и Румынии, а также Прибалтийского края открывался "вид сзади", о котором он высказался без стеснения: "В первых рядах заседало богатое и полу-богатое иностранное купечество, на карманы которых экзекутива (исполнительный комитет. - Я.Т.) имела более или менее оправдавшиеся надежды. Кроме них сидели

Торжества на открытии Еврейского университета в Иерусалиме.
Выступает лорд Артур Бальфур

рядами... разные содержанки и прости-тутки, которых без билетов усадили "по протекции" их обожатели-шоферы.*

...Выступали первоклассные равви-ны мира из Лондона, Австралии и самой Яффы с речами, с специально присочи-ненными к этому дню молитвами, с хора-ми, певшими чудные оратории и хоралы.

Часов 5-6 длилось торжество откры-тия...".

На второй день торжества намеча-лись выступления представителей уни-верситетов, общественности. Но слово Бернштейну-Когану опять не дали, объ-яснив это тем, что поздравления должны идти от профессорских объединений и университетов, а не от студентов-евреев и корпораций Прибалтийского края, ко-торые хотел зачитать Бернштейн-Коган. А человек, который не допустил оглаше-ние этих приветствий, был "старый сора-ботник" Хаим Вейцман.

Серые будни. Но праздники имеют свойство быстро заканчиваться. Следуют трудовые будни. А с ними и работа. Но врачи, как считал, Яков Бернштейн-Коган, нужны везде. Он согласен был работать городским врачом, о чем известил мэра Дизенгофа и его заместителя д-ра Блоха. Тем более что должность пустовала. Но ему отказывали по разным причинам: то должность передают в ведение англий-ской администрации, то отвечали, что на это место есть врач из Австралии - скоро приедет. Причем в это время заложили фундамент нового здания тель-авивской больницы, но места в ней тоже не обеща-ли.

Интересно и то, что так поступали не только бывшие соратники по сиониз-му, соделегаты по конгрессам, но и быв-шие ученики, которые учились на его курсе профессора Бернштейн-Когана в мединституте. А в Палестине занимали места медруководителей.

Наконец, ему предложили работу врача в колонии Петах-Тиквы и Галилеи (для того времени - настоящая Тьмутаракань). Бернштейн-Коган согла-сился, но ужасался тому, что "...был отре-зан от общественной жизни и должен был жить в селе без вмешательства в жизнь и строительство родного края".

Работа для похищенного. Вот что

вспоминала Мирьям Бернштейн-Коган в "Бейт-Бессарабия" о работе отца: "Мы жили в Галилее и разъезжали из одной колонии в другую. Помнится момент, ког-да друзья украли моего отца. Они завяза-ли ему глаза и на лошади повезли в дру-гую сторону. Я в тот день была с ним.

Отец не явился вечером домой, паци-енты ожидали его возле амбулатории, но отец исчез. Мама сообщила моменталь-но в Тиверию - там был кадий (кади - су-дья шариатского суда. - Я.Т.), который знал отца и приезжал к нам.

Мы с арабами и турками были в очень хороших отношениях. Мне разрешал от-ец в субботу идти пешком из одной коло-нии в другую, чтобы репетировать с хо-ром песни в Симхас-Торе или к Суккот.

Когда отец исчез, турецкие полисме-ны начали искать его. Но он не вернулся к утру, не вернулся и в течение следую-щего дня, не вернулся и к вечеру. А когда приехал, то, прыгнув с лошади, передал моей матери кожаный портфель, в кото-ром были его инструменты, и попросил ее их закипятить хорошо. Она обыкно-венно помогала ему во время приема больных.

Вокруг амбулатории сидело 100 лю-дей - арабы. Арабы приходили лечиться со всей семьей, иначе говоря, с верблю-дом, с ослом, если тот у них был - и все они ждали моего отца.

Мама моя открыла портфель и замер-ла вместо того, чтобы вынимать инстру-менты. Она увидела в портфеле кучу зо-лотых монет. Она начала вынимать эти монеты и столбиками выстраивать их на столе, потом вынула инструменты и заки-пятила их. Когда отец вышел из кабинета, чтобы получить инструменты, она его спросила: "Откуда у тебя столько золо-та?". Это были золотые наполеоны (напо-леондоры. - Я.Т.), которые в то время бы-ли очень ходкие у нас в Палестине. Он рассказал, что с ним было, только после того, как окончил прием.

Оказалось, что его схватили, завязали глаза и привезли в какую-то далекую гор-ную деревушку. И только там сняли по-вязку. Он увидел, что находится в хорошо обставленной палатке с большими кра-сивыми софами, с подушками, коврами. Парнишка, который привел его в эту па-латку, принес ему чашку кофе и сказал по-французски: "Отдохните, доктор!".

Только тогда он понял, что его взяли в плен не как еврея, а как доктора - хаким. Хадерхаким.

Раскрылись портьеры, вошла женщи-на, разделась, легла на софу. Папа посмо-трел на нее, она указала на легкие и ска-зала: "Я больная!". Он ее обследовал, вы-писал рецепт. За ней пришла другая, тре-тья, четвертая... В течение всего обеда он принимал только женщин, которые были все поголовно больны, и большей частью глазными и венерическими бо-лезнями.

Утром стали приходить дети. Приводили к отцу и малышей. Потом явился и сам шейх, который был болен больше всех ранее приходивших. Когда все мужчины получили помощь от моего отца, к нему привели больного верблюда и осла, которому нужно было сделать операцию на ухе. А когда все это кончи-лось, шейх устроил большой прием с восточными танцовщицами. Сварили массу овец, рису, кофе, сельди, а когда пиршество закончилось, спросили, как можно получить лекарство. Сами полу-чить лекарство они не смогли. Это была друзская деревня, а друзья всегда были во враждебных отношениях с арабами и турками. Они были контрабандистами на границе и поэтому не могли открыть тай-ны, где они живут.

Папа обещал им лекарство, если они пошлют к нему посланца. Они на это со-гласились.

Шейх предложил папе взять себе на память одну из танцовщиц, на что папа сказал: спасибо, у мен этого добра дома достаточно (Нас было четверо женщин: трое дочек и мама.)

Отца посадили на лошадь, опять завя-зали ему глаза и повезли снова к той пе-щере, возле которой взяли его в плен. Доктор, - сказал друз, - когда вы услыши-те выстрел, то можете ехать домой. Отец стоял у пещеры и ждал выстрела, он ду-мал, что они выстрелят в него и убьют на месте. Но они, выстрелили в воздух. Тогда он снял повязку с глаз и поехал дальше. Так он приехал домой, но деньги, которые мама нашла в его портфеле бы-ли для него тайной. Он не знал, что шейх его так наградил - там было очень много золотых монет".

Крик о помощи. Но золото - золотом, а тьма - тьмой! И о своем состоянии, сво-их мыслях Бернштейн-Коган написал знакомому в "Агроджойнт". Возможно, в этих откровениях были слова о безыс-ходности: "...Очень не хотелось мне по-кидать Палестину (уже во второй раз) - страну, где я дважды пытался поставить прочно мой шатер и строить по-настоя-щему, творить новые социальные ценно-сти. Но что же было делать? В "Гадассе" я не мог устроиться - какая-то неведомая сила каждый раз ставила мне "палки в ко-леса". В "Купат-хойлим" в лучшем случае мог рассчитывать на место (и то - пока временное) в окрестностях Петах-Тиквы, уголок, где бы я лишь мог отдохнуть от жи-тейской суеты и "от борьбы мира сего". А это для меня было равносильно смерти. Я же органически не мог даже мнить себя отрезанным от жизни с ее борьбой.

Что за охота мне была идти на вечное поселение?

...Я считал себя пропавшим, утонув-шим навеки, лежащим на дне густого бо-лота. И было даже желание подняться, встать, спастись, так как я ведь понимал, что "укатали сивку вражьих горки", что я поднимусь, а затем опять буду задыхать-ся и вновь тонуть в том же болоте. И два раза я пришел к заключению, что доволь-но мне и физически жить, пора смело по-кончить с этим "сомнительным даром природы", называемым жизнь... И два раза я уже все приготовил, чтоб покон-чить свои счеты с жизнью: один раз до-статочную дозу морфия, в другой раз - мышьяк в очень большой дозе".

В "Агроджойнте" откликнулись на крик о помощи. Предложили работу в ев-рейских сельскохозяйственных колониях Крыма. И врач Яков Бернштейн-Коган уехал из Палестины. Правда, перед этим он опубликовал прощальное письмо в газете (той самой, где не хотели публико-вать его приветственные послания, кото-рые ему не дали зачитать на горе Скопус). Вот несколько строчек из прощального письма:

"Итак, нет мне места и работы в моей стране, стране моих юных мечтаний, и должен я искать новых мест, где будет спрос на мой товар, или же совсем исчез-нуть, если я в самом деле заржавелая ма-шина, не нужная моим современникам. Прощайте, друзья. Будем выжидать луч-ших времен, когда будут правильно ис-пользоваться все активные силы нашего народа.

Доктор медицины Я.Бернштейн-Коган".

Надо сказать, что началось паломни-чество. Пошли ходоки к доктору, правда, с предложениями что-то сделать, во что-то там (колониях Крыма) вкладывать деньги...

Без опоры. И 6 сентября 1926 года доктор Бернштейн и его жена (дети и внуки остались на еврейской родине) от-правились на пароходе "Новороссийск" из Тель-Авива в СССР.

Лидера оппозиции и идеолога Демократической фракции, человека, ко-торый настоял, чтобы Государство Израиль было создано в Палестине, а не в Африке, просто-напросто выжили из Эрец-Исраэль. В этом и заключается тра-гедия его жизни. А трагедия смерти в том, что человек (сделаю предположе-ние, опираясь на опыт врачей), который дважды пытался покончить счеты с жи-знью, в третий раз остановиться не смо-жет, тем более вдали от детей, которые были ему опорой, и просили не прида-вать большого значения тому, как к нему относятся власть предержащие.

Но доктор Бернштейн-Коган был уже вдали от дела всей своей жизни, от своей еврейской родины, и от тех, кто мог бы его удержать.

* *Думается, это замечание Я. Бернштейна-Когана продиктовано еще и возмущенным темпераментом. Об этом, по крайней мере, свидетельствуют снимки, на которых названные дамы блистают сво-им отсутствием. (Прим. ред.)*

ОДНА САМАРСКАЯ СУДЬБА

Белла КЕРДМАН

Дивное еврейское имя Акива я впервые услышала в Израиле в сочетании со словом "рабби", и считала его древним, времен жизни этого выдающегося нашего законоучителя. Но вот семь лет назад познакомилась в Кирьят-Яме с человеком, который носит его всю свою жизнь, уже 90 лет. Причем, 78 из них пришлось на Россию. И отчество у человека не менее "экзотическое": Ехескиелевич.

Акива Ехескиелевич Сейненский - доктор педагогических наук. Историк, краевед. Человек публичный. Он смолоду много преподавал - в школе, в техникуме, в институте. Вы можете себе представить российского учащегося, даже взрослого, свободно произносящего такое ФИО? Благо отец подсказал: его в детстве в семье именовали Хаимом, что на русский принято переводить как Ефим. Так наш герой стал в русском речевом обиходе Акивой Ефимовичем. Без курьезов все же не обошлось: некоторые ученики, и даже коллеги, воспринимали это имя как женское, и называли Сейненского "Акив Ефимович"...

Кстати, первыми его школьниками стали именно взрослые: с учительским дипломом 22-летний Акива вошел в класс, где за столами сидели прошедшие войну офицеры, иные уже семейные. Он преподавал им историю и конституцию СССР, а в 7-м классе был еще и классным руководителем. Работать с таким контингентом приходилось непросто, однако именно тогда к молодому человеку пришло понимание, что он верно выбрал профессию, учительство - это его дело.

С юности Акива мечтал стать адвокатом - как родной брат матери. Специальную литературу читал, посещал судебные процессы. Золотая медаль после десятилетки открывала ему широкую дорогу, однако он не мог рассчитывать на получение высшего образования в стационаре за пределами родного города при скромном достатке семьи и слабом здоровье родителей, а юридического вуза или хотя бы факультета в Куйбышеве не было. И Акива поступает в два института: во Всесоюзный юридический заочный в Москве и на исторический факультет местного, куйбышевского пединститута - стационарно.

Овладение двумя профессиями у него получается успешно.

Наробразовское распределение в провинцию в его случае было необязательным: право самостоятельного трудоустройства давал диплом с отличием. К тому же семейные обстоятельства Сейненских были особыми: мать, майор медицинской службы, вернулась с войны инвалидом; отец стал инвалидом 2-й группы после двух лет пребывания под стражей и следствием во время репрессий 30-х. Таким образом выпускник пединститута Акива Ефимович Сейненский попал, как сказано выше, в местную школу для офицеров.

Спустя год в Куйбышеве открывается строительный техникум железнодорожного транспорта. На место преподавателя

А.Е. Сейненский

истории двенадцать претендентов! Однако Акива Сейненский проходит по конкурсу и оказывается единственным евреем в том педагогическом коллективе. А через некоторое время он преподает также курс "Основы государства и права" в педагогическом институте, который окончил сам. Так что и диплом юриста не остается у него втуне.

Главным увлечением, а затем и профессиональным интересом педагога Сейненского становится школьное краеведение. В конце 50-х годов появляются его публикации по данной тематике в центральных методических журналах, и Акива подает заявление в аспирантуру Академии педагогических наук в Москве. Приняли по конкурсу в сектор истории педагогики и школы. И вскоре он защищает кандидатскую диссертацию на тему "Проблема краеведения в теории и практике общеобразовательной школы РСФСР 1917-1931 гг."

В трудовой школе, как тогда ее называли, много времени на уроках и во внеурочных занятиях отводилось краеведению, изучению окружающей жизни. Затем в партийных постановлениях это было названо "перегибом": основу школьной программы должны составлять русский язык, математика, история, география и т.п. С этим трудно было не согласиться. Однако же и край свой, его историю, как и свою родословную, подрастающий гражданин знать обязан, в чем убежден был Акива Сейненский. И при таком убеждении, кстати, остается сегодня, относительно уже израильской школы.

Самый большой срок его профессиональной деятельности (более 20 лет) приходится на экспериментальную среднюю школу-интернат Академии педагогических наук СССР со знакомым для своего времени адресом: Горки Ленинские. Акиву Ефимовича пригласили туда в 1965 году, когда на базе экспериментальной сельской школы создали учебное заведение нового типа. В его обязанности входило: преподавание истории и обществоведения, организация краеведческой работы, а также функции воспитателя в интернате. Со временем он стал заместителем директора школы по научной работе.

В 1994 году в Москве была издана книжка А.Сейненского - "Родной край. Страницы истории", в помощь педагогу-краеведу. Это методическое пособие во-

Ехескиель Исаакович Сейненский
за год до ареста, 1937 г.

шло в число победителей на конкурсе экспериментальных учебных и педагогических пособий и было направлено в городские и сельские школы России. К тому времени на счету Акивы было более 70 работ по проблемам школьного краеведения и музееведения.

Из аннотации к книге я узнала, что мой новый знакомый награжден медалью К.Д.Ушинского и Золотой медалью Всероссийского выставочного центра (при нашем знакомстве в Кирьят-Яме я не спросила, а он и не сказал о наградах). Однако важно в данном случае другое: пособия Акивы Сейненского, основанные на материалах российских педагогических исследований, его методики, его авторская матричная программа (именно потому, что матричная) могут быть полезны и для израильских школ. Ведь когда "добрые соседи" стремятся отнять у нас не только землю предков, но и саму память о них, так важно знать, кто мы и почему здесь!

Однако мой интерес к человеку со столь редким еврейским именем был привлечен не только его заслуженным на уровне российского просвещения прошлым, а и тем, как он реализовал свои знания и опыт в работе над созданием Российской еврейской энциклопедии (РЕЭ). Еще в середине 90-х, когда в Москве готовился ее проект, А.Е.Сейненского пригласили к работе над этим изданием. Он участвовал в составлении словника и представил редколлегии ряд замечаний. В частности, обратил внимание коллег на то, что чрезмерное внимание уделено столицам и недостаточное - провинции, что мало представлены педагоги - ученые и практики. А когда проект начали претворять в жизнь, Акива стал одним из активных авторов РЕЭ и продолжил эту работу уже проживая в Израиле.

Между прочим, Акива Сейненский написал первую энциклопедическую статью о Зиновии Алексеевиче Пешкове (он же Свердлов Зиновий Михайлович или, по записи в метрике, Ешуа Золомон Мовшев). Родной брат Якова Свердлова, приемный сын Максима Горького. Личность легендарная, чей 82-летней жизни хватило бы не на один приключенческий роман. В Союзе об этом человеке не писали многие десятилетия. Только в 70-е появились первые небольшие публикации о нем. И лишь в 1989 году в Москве вышло в свет содержательное исследование Михаила Пархомовского

"Сын России, генерал Франции". А. Сейненский не только использовал имевшиеся публикации. Он продолжил поиск: поработал с материалами ранее закрытых фондов Библиотеки им. Ленина, Института мировой литературы, Музея-квартиры Максима Горького в Москве.

Самая крупная из публикаций Акивы Сейненского в РЕЭ - историко-краеведческая статья "Самара" - занимает почти четыре страницы в 6-м томе, она с подписью автора, что для подобных изданий редкость. В ней информация не просто о старинном русском городе, а и о еврейской его общине, которая там была не столько крупная, сколько активная. Что, кстати, заметно и по самарскому землячеству, созданному в Израиле в 1993 году, также весьма деятельному.

Несмотря на то, что за рухнувший "железный занавес" уехали тысячи еврейских семей, в Самаре жизнь наших соплеменников по-прежнему активна. У Акивы Ехескиелевича двойное гражданство, российское и израильское. В течение четверти века (до прошлого года) он был ведущим сотрудником научно-краеведческой площадки Российской академии образования на базе самарских школ. Одна из инициатив А.Сейненского - проект российско-израильского архивного сотрудничества, в результате которого несколько тысяч листов документов (копии) переданы в архивы Иерусалима.

Акива и его жена Женя время от времени бывают в Москве и в Саратове. Однако основное место жизни и работы у них - Кирьят Ям. Женя возглавляет в этом городе русскоязычную общину, Акива в течение 10 лет был председателем Клуба интересных встреч. Стоило ему услышать, что где-то есть незаурядный человек, тут же устанавливал с ним связь. На одной из таких встреч я познакомилась с гостем из Канады Владимиром Роттом и его женой Ией, интереснейшими людьми, которые стали моими друзьями и героями ряда газетных публикаций.

А недавно я получила электронный вариант трех номеров журнала "Самарские судьбы" - за ноябрь 2013, июль 2016 и июнь 2017 годов, где опубликованы мемуары Акивы Ехескиелевича, в которых приводятся документы и фотографии из семейного архива Сейненских и следственного дела его отца, некоторые - с грифом "совершенно секретно". Отец, Ехескиель Исаакович

до ареста несколько лет работал главным бухгалтером областного треста "Леспромсоюз". В конце апреля 1938 года он был арестован как "враг народа". Никто в семье не поверил, что это всерьез - то, что он действительно готовил покушения на Калинина и Андреева. Разберутся, мол, и отпустят. И потому мама сказала десятилетнему Акиве, что отец выехал в Москву в срочную командировку по служебным делам. "Однако все надежды вскоре рассеялись. Стало понятно, что отец - один из многих арестованных жителей Куйбышева, из многих арестованных граждан страны. Оставалось надеяться, ждать, обращаться, может быть, в разные инстанции", - пишет сын "врага народа".

В справке, составленной при подготовке ареста "главного самарского сиониста" сотрудником Куйбышевского НКВД, указывалось, что Сейненский и группа самарских евреев-сионистов создали в городе подпольную организацию, активно занималась к-р (контрреволюционной) деятельностью: готовили теракты против руководителей партии и правительства, получали из-за границы антисоветскую литературу. Это подпадало под 58-ю статью, которую в народе называли "расстрельной". Следователи настойчиво предлагали Е.И.Сейненскому дать признательные показания, хотя следствие таких умыслов, а тем более таких действий, за ним и его союзниками так и не выявило. И все же спустя полтора месяца он признательный протокол подписал. "Под принуждением", - была и такая формулировка. В архиве Акива нашел этот семистраничный протокол от 7 июня 1938 года, подписанный двумя следователями. И убедился, что все, рассказанное ему в свое время отцом о мерах принуждения - правда.

После освобождения отец часто кричал во сне, и однажды признался, что ему снилась "стойка". Акива в одном из своих журнальных текстов описывает эту изощренную пыточную меру сталинского "правосудия", которая применялась во внутренней тюрьме Куйбышевского НКВД. Ехескиель Исаакович не любил рассказывать о пережитом в той вынужденной двухлетней "командировке", и все же сын составил о ней представление из его нечестных высказываний и реплик.

"Стойка" была в ту пору распространенным методом допроса. Арестант должен был все время стоять неподвижно. Это могло длиться несколько часов и даже суток. Днем и ночью. Без еды и воды. Отдыхали и сменяли друг друга следователи. На "стойке" допускались побои и другие издевательства. Терявшего сознание ээка обливали водой из большого "конского" ведра и продолжали допрос. Того, кто не мог стоять, сажали на стул, привязывали, светили в лицо многоваттными лампами. Соблазнял посулами "добрый" следователь, ругался и пугал "злой". "К сожалению, в воспроизведенном тексте протокола отсутствуют фамилии и подписи следователей; они были сняты, когда для меня в архиве изготавливались копии", - отмечает А.Сейненский в своих мемуарах. Из документов следствия по делу отца и его подельников Акиве ясно, что каждый из них прошел не одну "стойку". Однако они проявили мужество, отказавшись от признательных показаний до суда в военном трибунале.

10 января 39-го года выходит пресловутое указание ЦК ВКП(б) о применении мер физического воздействия к "изобличенным врагам советского народа, которые нагло отказываются выдать своих сообщников". Оно зашифрованной телеграммой рассылалось всем руководителям партийных органов и управлений НКВД. С его содержанием были ознакомлены и сотрудники право-

охранительных органов. Беспредел в тюремной системе власти был легализован - подпись под этой телеграммой стояла: "Секретарь ЦК ВКП(б) И.Сталин".

На обоснование грубых нарушений законности, процессуальных норм ведения следствия и суда были направлены также теоретические положения, сформулированные в трудах государственного обвинителя на политических процессах 1930-х годов А.Я.Вышинского. В частности, в своих работах он считал главным доказательством вины признание самого обвиняемого. В практике того времени признание, выбитое (в прямом и переносном смысле), часто становилось единственным основанием для вынесения сурового приговора.

Суд военного трибунала (апрель 1939 г.) решил, однако, приговора "самарским сионистам" не выносить - в связи с недостаточностью улик. Дело направили на доследование, которое продолжалось около двух месяцев, после чего материалы были направлены в Москву, на рассмотрение Особого совещания НКВД СССР, о чем весной 40-го года семья получила сообщение. Но как дать знать об этом отцу семейства и его союзникам, которые ожидали решения своей участи в Ульяновской пересыльной тюрьме?

Как на то, подошло время доставить Ехескиелю очередную передачу из дома. Это готовилась сделать его родная сестра Эсфирь. Читаем мемуары Акивы: "Накануне мама написала письмо отцу. Подозвав меня, она прочитала его и попросила написать, как всегда, несколько слов. Но к обычным словам о том, что я здоров, нормально учусь, играю с младшим братишкой, - добавить следующее: "Бабушка приехала из Москвы. Она живет у дяди Алексея..." К большому сожалению, к этому времени у меня уже не было бабушек, не было и дяди по имени Алексей. Мама заметила: "Эти слова означают, что дело вернулось из Москвы. Тюремные проверяющие, будем надеяться, не обратят внимания на детский почерк и ничего не вычеркнут". Так и получилось. Отец позднее рассказывал, что, прочитав эти строчки, он сразу понял: дело вернулось из Москвы и находится, как и раньше, под надзором у заместителя прокурора ПриВО Алексева. Эту долгожданную ободряющую весть он незамедлительно передал товарищам.

Наконец, в соответствии с решением Особого совещания, прокуратура приняла постановление: в связи с отсутствием необходимой доказательной базы следственное дело прекратить, обвиняемых из-под стражи освободить. "В архивном деле отца я нашел этот документ от 10 апреля 1940 года, - пишет Акива. - На первой странице обращают на себя внимание следующие слова (продумайте, осмыслите их! Сохраняю орфографию): "По постановлению б. нач-ка 4-го отдела УГБ УНКВД Куйбышевской области (ныне осужден за фальсификацию следствия) с санкцией Зам. Обл. Прокурора по спецделам Куйбышевской области были арестованы за к-р деятельность и привлечены к уголовной ответственности: Левин В.И., Сейненский Е.И., Зильберман А.И., Борок А.И.". Таким образом, официально признавалось, что дело о самарских сионистах-террористах было сфабриковано.

30 апреля 1940 года Сейненский Ехескиель Исаакович вышел на свободу из ворот Ульяновской тюрьмы и 1 мая вернулся домой, в Куйбышев. К своим семьям возвратились также его подельники. Акива Ефимович посвящает этим мужественным людям отдельную главу своих мемуаров. Но мы поставим здесь точку: у нас темой одна самарская еврейская судьба.

СБЫЧА МЕЧТ

Рав Ури СУПЕРФИН

Антон (имя изменено) рос в неблагополучной семье в заштатном городишке. ...Я тезисно, ладно? Не буду размазывать повествование на несколько страниц... Короче, радостей в его детстве-отрочестве было мало, а культуры - и подавно. Простым парнем был Антон. Что важно нам для симпатичного финала, так это тот момент, что лет в девять Антон услышал в общем-то детский анекдот. О "красной кнопке" и Америке. Это когда кто-то, случайно или "в шутку", нажимает на эту кнопку, а затем на вопрос "а как же Америка?" удивленно отвечает: "Какая такая Америка". Не помню точно. Вот такой вот задорновский юмор, были пиндосы и как-то вдруг не стало. Это смешно, если кто не понял. Во всяком случае, Антон анекдот, хоть и не сразу, но понял и долго, до тошноты, ржал. Для него анекдот почему-то случился откровением, как можно здорово, смешно сочинять истории.

А еще у Антона зародилась мечта: сделать когда-нибудь что-нибудь такое, чтобы, вот, было что-то заметное, а он - оп! - делает так, чтобы этого сразу как-то не стало, а на вопрос "да где же...?" отвечает: "Да вы о чем вообще? Ничего и не было". ...А кто из вас не понял, что это кру-у-уто, просто человек без фантазии.

В пятнадцать Антоновых лет выяснилось, что он вполне подпадает под Закон о возвращении. Кажется, отец его был кем надо. Жизнь в городке была такой, что в Африке и то лучше, так что сомнений никто как-то не испытал. Израиль так Израиль, все лучше, чем родной Мухомадск.

Аклиматизация не была для Антона гладкой, но это банальная история и нам не нужная, так что драки с марокканцами и унижения мы пропустим. Через несколько лет Антоша возмужал, подрос, загорел, забыл русский и научил весь район правильно лугать семечки. И был призван в звезднознаменную и оборонительную - в танковые войска.

Ну, кто умеет складывать два и два, уже начинает понимать, куда я клоню: в танковых войсках в армии, которой периодически приходится воевать, детская мечта Антона имела неплохие шансы сбыться. И она сбылась.

Место действия: сектор Газы,

время: ночь, действующее лицо: наш герой, прильнувший к прибору ночного видения. Справа офигенная громада Ди-9 лишает крыши какой-то дом, слева - улица, за которой Антон, собственно, и следит. Чтоб никто. По связи от наблюдателя поступает сообщение: в начале улицы подозрительное движение! И, через пару секунд, новое: по улице гонит грузовик с очень недобрыми, учитывая комендантский час, намерениями! Антон начинает видеть цель. Запрос командиру: "Гасим?" - "Гасим". Дуло направлено, все готово. Даже неясно, на что водитель рассчитывал. "Бах!!!!" - перекрыл гром выстрела грохот Ди-9!! "ЧПЫХ! ШНЯ-Я-ГРЫХ-Х-Х!!!!!!!" ...здец! здец!! здец!!!!!! - грузовик рвет, как если бы все грепки мира добрались бы до доставшего уже Тузика! Ф ПЫЛЬ!!!

Там, внутри грузовика, было ведь очень много своей взрывчатки, потому что Ди-9 чрезвычайно нечувствителен даже к РПГ. И завалить этот символ инженерной носорожести израильской армии было важно идеологически.

Рвануло конкретно, в общем. В наушниках Антона - музыка: ругань всех, кого оглушило, проклятия в адрес всех причастных и... тогда! Долгожданный вопрос!

"Доложите, что там с грузовиком!" - требует начальство, и голос его сейчас для Антона - пение ангельское, не меньше. Он улыбается, причмокивает, облизывает сухие губы и четко и громко - спрашивает:

- Какой такой грузовик, мля?

...И еще долго культурно обделенные израильтосы различных рангов наблюдают, как, казалось бы, свои, нормальные, даже весьма серьезные и весьма усталые, "русим" корчатся в истерическом хохоте там, где их застал вопрос этого - чтоб он был здоров! - танкиста с чуть заметным, для своих, акцентом.

ЭТЮД О НЕРАЗДЕЛЕННОЙ ЛЮБВИ

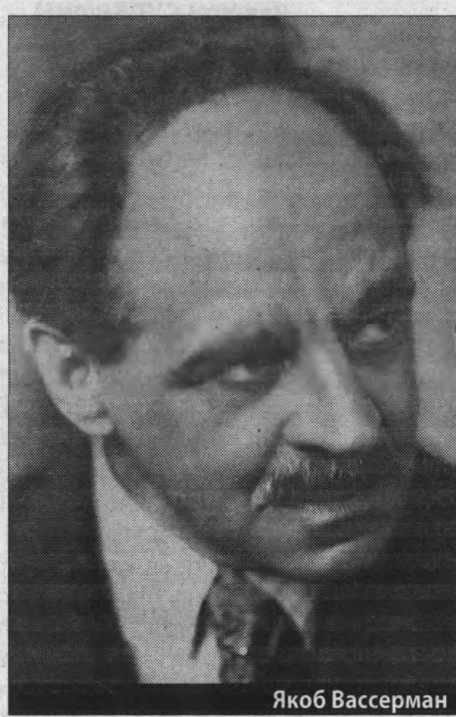
Александр ГОРДОН

Этот человек не стал жертвой еврейского погрома, не погиб в гетто, не был казнен по обвинению в юдофобском кровавом навете, не был осужден на антисемитском судебном процессе, не был расстрелян в застенках гестапо, не попал в газовую камеру нацистского лагеря смерти. Писатель, который мог стать большим, был удушен тяжестью еврейского происхождения. Его талант был подавлен рефлексиями и переживаниями из-за еврейского вопроса, невзирая на то, что заря равноправия евреев с не евреями дважды ярко загоралась в его жизни.

В 1806 году Наполеон захватил Рейн-Вестфалию. Законом от 1808 года он уравнивал местных евреев в правах с немцами по линейке Французской революции. По всей Германии шли процессы эмансипации евреев и разрушения гетто. Падение Наполеона привело к ограничению прав евреев в германских государствах. В 1819 году по Германии прошла волна погромов против распрявленных равноправием евреев. Активное участие евреев в революции 1848 года содействовало возрождению эмансипации. После объединения Германии Бисмарк при принятии единого свода законов Германской империи в 1871 году инициировал акт о полном гражданском равноправии евреев. Но появление работ идеологов расового антисемитизма в конце 1870-х - начале 1880-х годов привело к вспышке юдофобии. Евреи были уравнены в правах в Германии только в 1918 году, после гибели Второй империи. В Веймарской республике евреи формально имели равные права с немцами. Однако в первой в истории Германии свободной Веймарской республике, свобода евреев была относительной и шаткой.

В августе 1912 года в "Нойе рундшау" Стефан Цвейг анализировал творчество новых заметных писателей, появившихся в литературе на немецком языке: "Кроме Томаса Манна, безусловно, подающего самые большие надежды на создание действительно немецкого романа, два писателя - Генрих Манн и Якоб Вассерман уже своими книгами показали, что освободились от немецкой традиции. Генрих Манн - благодаря романтическому происхождению и, прежде всего, из-за внутреннего неприятия всего буржуазного, явления, нынче так угрожающего немецкому искусству ожирением, Якоб Вассерман же - из-за сильно выраженной в нём расовой необычности и тяготения к чистой эпике - другого, подобного ему в Германии сейчас найти невозможно".

Якоб Вассерман родился 10 марта 1873 года в Фюрте, в Баварии, в бур-

Якоб Вассерман

жуазной еврейской семье, вскоре после установления эмансипации евреев в недавно объединенной Германии. Он был книготорговцем, секретарем редактора журнала "Симплициссимус", а в 1893 году стал профессиональным писателем. Вассерман - автор 17 романов, пяти пьес и десятков новелл и эссе. В 1926 году он был избран в Прусскую Академию искусств, а в 1933 году ушел в отставку после нацистского переворота. Его книги были запрещены в том же году. Писатель умер в Австрии 1 января 1934 года.

Вассерман был сторонником ассимиляции евреев и противником еврейского национализма. Он называл сионизм "ошибочным, преступным и самоубийственным". По его мнению, евреям лучше погибнуть или быть изгнанными, чем отказаться от "их миссии и судьбы" как немцев. Он был убежден, что место рождения определяет ритм и содержание прозы автора: "Любой пейзаж, каким-то образом ставший частью нашей судьбы, порождает в нас определенный ритм - ритм эмоций и ритм мысли, - не осознаваемый нами, но от этого не становящийся менее значимым. По ритму прозы можно угадать особенности родного пейзажа писателя, который таится в ней, как зерно под мякотью плода..." Автор считал, что творения писателя определяются местом его рождения и проживания, а не национальной и религиозной принадлежностью. Рожденный в Германии, он хотел быть немцем. Переехав в Австрию, он признавался: "Я никогда не мог избавиться от некоторой доли стыда. Я стыдился поведения евреев, их манер... временами мой стыд переполнял меня так, что превращался в отчаяние и отвращение".

В очерке о Вассермане Стефан Цвейг пишет о коллеге, о себе и общает: "У большинства писателей-ев-

реев Германии еврейство уже давно перестало быть внутренним ядром их сущности, оно осталось лишь неким видом их интеллектуального зрения, характером воззрений, не несущим создающего начала духовным механизмом и поэтому являющимся скорее препятствием, тормозом высшему творческому напряжению. Это культурное еврейство почти никогда не было и не могло быть питательной средой искусства, так как оно представляет собой слишком тонкий слой, что обуславливает то удивительное отсутствие корней, которое, правда, компенсируется возрастающими возможностями приспособляться, обусловленными ассимиляцией. Под воздействием бесчисленных превращений, преобразований, отфильтровок и смешиваний, ветхозаветное для них стало таким далеким, что подобных культурных евреев евреями называть уже нельзя так же, как современных итальянцев - римлянами, а греков - эллинами".

В письме швейцарскому литературоведу доктору Эдуарду Корроди, заведовавшему отделом в газете "Нойе цюрихер цайтунг" (1936 год - написано после смерти Вассермана. - А.Г.), Томас Манн писал: "...Еще недавно в связи с биографией Вассермана, написанной Карльвейс, Вы, со свойственной Вам точностью и прозорливостью, рассуждали о процессе европеизации немецкого романа. Говоря об изменении типа немецкого романиста, происшедшем благодаря таким дарованиям, как Якоб Вассерман, Вы замечали: под действием интернационального компонента еврея немецкий роман стал интернациональным. "Интернациональный" компонент еврея - это средиземноморский европейский компонент, а таковой является и немецким; без него немцы были бы не немцами, а ненужными миру лодырями..." Манн считал Вассермана реформатором немецкого романа, европеизация которого осуществлялась благодаря космополитическому влиянию творчества коллеги.

Вассерман писал: "Я немец, и я еврей, полностью немец и полностью еврей. Один не может быть отделен от другого". Тонким чутьем большого художника Цвейг ощущал сложные отношения коллеги и соплеменника к немцам и евреям: "Углубившись в книги Вассермана, можно... понять, как болезненно страдал он из-за врожденной двойственности, можно почувствовать его страстное желание найти непосредственного человека. В его книгах мы увидим высший образец жизни, чистого, прямодушного человека (подобного князю Мышкину у Достоевского), просто, без комплексов думающего, не подавленного чувственностью, не угнетенного логиче-

скими построениями... Его "Агатон" был первым из этого ряда, потом "Добрый" с Ансельмом Вандерером, характер которого еще не определился, человек еще не приблизился к Агатону, к символу преодоления еврейской двойственности". "Человеком, без комплексов думающим", Вассерман не был.

Мартин Бубер в статье "Еврейство и человечество" писал о двойственности еврейства: "Еврейство не просто и не однозначно, оно исполнено противоречий. Это полярный феномен". В защиту тезиса философ ссылается на слова Вассермана: "Верно одно: фигуляр и естественный человек; чувствительный к прекрасному и враждебный ему; сладострастный и аскетичный, шарлатан и азартный игрок, фанатик и трусливый раб - все это есть в евреях". Бубер комментирует высказывание писателя: "В этих словах Якоба Вассермана выражено то, что я воспринимаю как главную проблему еврейства, как загадочную, странную и творческую противоречивость его существования - его раздвоенность... Ни у одного другого народа нет таких пламенных игроков и предателей, ни один другой народ не породил таких возвышенных пророков и освободителей... Никто, как еврей, не может понять, что означает быть соблазненным самим собой".

Как и Цвейг, Вассерман долгие годы отрицал еврейскую солидарность и считал восточноевропейских евреев чужим народом: "Если я говорил с польским или галицийским евреем и пытался понять его образ жизни и мышления, во мне могло зашевелиться чувство сострадания и печали, но не возникало ощущение братства. Он был мне совершенно чужд, а когда недоставало чувства симпатии, - даже отталкивающим".

В момент, когда евреи добились равноправия в Германии, успехов во многих сферах и стали товарищами по оружию во время войны, антисемитизм дошел до уровня трудов идеологов расовой юдофобии В.Марра и Е. Дюринга. В мемуарах 1921 года Вассерман описывает отношение к солдату-еврею командиров в армии: "Хотя я от всего сердца и всеми силами старался выполнить свой солдатский долг, достигая требуемого уровня, я не сумел добиться признания своих командиров". Он чувствовал, что офицеры с презрением относятся к нему и другим солдатам-евреям. В армии, во время Первой мировой войны, когда опасность одинаково угрожала и немцам, и евреям, писатель познал чудовищный антисемитизм: "С самого начала я столкнулся с тупой, жесткой, почти бессловесной ненавистью, которая пронизывала простонародье... Наименование "антисеми-

тизм" едва ли могло определить ее характер, источник, глубину или цель". Писатель осознавал: "Есть нечто специфически немецкое в этом... Это немецкая ненависть". Он бил тревогу за 12 лет до создания Третьего рейха. Однако задолго до его открытия крайнего проявления немецкого национализма об этом писал Фридрих Ницше: "На совести у немцев национализм, самый варварский, самый безумный недуг из всех существующих, тот национальный невроз, которым больна Европа. Германия лишила Европу рассудка, отняла у нее разум". Диагноз Ницше подтвердился после вспышки европейского националистического безумия, приведшего к Первой мировой войне.

В 1921 году писатель написал автобиографию "Мой путь как немца и еврея" (Mein Weg als Deutscher und Jude, Berlin, 1922). Он предпосылает автобиографию обращением к читателю, открывающим его иудейские заботы и слабости: "Хочу я, побуждаемый внутренней потребностью и требованием времени, дать себе отчет о наиболее проблематичной части моей жизни, той части, которая касается моего еврейского происхождения и моего существования, как еврея; не просто еврея, но немецкого еврея - два понятия, которые даже для наивного человека вскрывают всю полноту недоразумений, трагичности, противоречий, раздоров и страданий. Тема эта всегда оставалась щекотливой, независимо от того обсуждалась ли она стыдливо, свободно или вызывающе. Красиво раскрашенная с одной стороны, она была ненавистна - с другой. Ныне она является очагом пожара. Мне хотелось бы дать чистое созерцание. От доказательств и защиты я отказываюсь вообще, точно так же от жалоб и всякого рода декламации. Я опираюсь только на пережитое. Непреодолимо тянет меня пролить свет на сущность той дисгармонии, которая прошла через все мое творчество и бытие, и с годами все болезненнее ощущается и создается". Душевная боль неизбывного дуального восприятия приобретает форму отчаяния именно тогда, когда евреи имеют равные права с немцами: "Мы напрасно умоляем народ поэтов и мыслителей от имени его поэтов и философов. Любой предрассудок, который, казалось, исчез из современного мира, вырабатывает тысячи новых, как падаля порождает червей... Напрасно мы логикой прерываем их сумасшедший вопль. Они говорят: он осмеливается открыть свой рот? Душите его! Мы напрасно образцово себя ведем... Мы напрасно просим безымянности. Они говорят: трус! Он ползет в убежище, преследуемый испорченной совестью... Мы напрасно помогаем им снимать цепи рабства. Они говорят: конечно, он нашел в этом пользу... Мы напрасно живем и умираем ради них. Они говорят: он еврей". Израильский журналист и

историк немецкого еврейства Амос Эйлон утверждал, что сегодня Вассерман известен благодаря этому крику души, а не его романам. Писатель с горечью отмечал: "Я больше печалюсь о немцах, чем о евреях. Разве не следует горевать больше всего из-за тех, чья любовь глубока, хотя и безответна?"

Германский национализм, переполненный антисемитизмом, совершал победное шествие. В год издания автобиографии Вассермана 24 июня 1922 года националистами был убит министр иностранных дел Германии, еврей Вальтер Ратенау, объявленный убийцами одним из "сионских мудрецов", руководящих Европой с помощью заговора трехсот еврейских правителей. Известная фальшивка "Протоколы сионских мудрецов" стала кровавой реальностью. В мемуарах отчаявшийся писатель задает немцам вопрос: "Почему вы бьете руку тех, кто за вас?" Вассерман потрясен победой германского национализма и крушением идеи о том, что он и немец, и еврей. Писатель поражен и напуган убийством Ратенау, но озадаченно останавливается перед описанием триумфа и трагедии министра иностранных дел Веймарской республики. Он не мог создать художественное произведение по мотивам убийства Ратенау, так как при этом должен был бы описать крах своей идеологии.

Лион Фейхтвангер не был германским патриотом. Поэтому он мог сочинить роман о провале концепции еврейской безответной любви к Германии. В 1925 году Фейхтвангер создал роман "Еврей Зюсс" (1925), в центре которого немецко-еврейские размышления о ценности ассимиляции и германского патриотизма. Историческое лицо, придворный еврей Зюсс Оппенгеймер послужил писателю материалом для его героя. Как и Ратенау, министр финансов Зюсс, глубоко погружен в немецкую культуру и жизнь и идеально говорит по-немецки. Еврейская община и культура значат для него мало. Невзирая на его заслуги перед правителем и его сугубо немецкое обличье, к нему относятся с жестокой несправедливостью как к незваному гостю. Описание Зюсса, преданного немецкой культуре, но не принятого обществом, отражает неопределенное положение евреев Веймарской республики и прежде всего Ратенау, чье убийство послужило триггером для написания романа. Убийство Ратенау было предательством Германии по отношению к одному из самых заслуженных и значительных лидеров страны. Немецко-еврейские писатели того времени иногда ощущали грозящую катастрофу, но все еще были предрасположены к оптимистическому обману.

Вассерман принадлежал к категории односторонне и безответно любящих Германию евреев, таких, как Г. Риссер, Б. Ауэрбах, В. Ратенау, Э. Лиссауэр, А. Баллин, Ф. Габер и Л.

Йессель. Он путал родной язык с родной. Вассерман с его богатой фантазией романиста какое-то время жил в виртуальном мире, выдавая желаемую Германию за действительную. Он был обманут эмансипацией евреев. Германия, еще не нацистская, но националистическая, не оставляла ему права быть немцем. Понимал ли он, что восточноевропейские евреи приближались к нему с той же скоростью, с которой удалялись от него немцы? В последний год жизни писателя его коллега Фейхтвангер написал роман "Семья Опперман" (1933), в котором герои-евреи потрясены предательством Германии по отношению к ним, ее гражданам, уроженцам страны: "Их родина, их Германия, оказалась изменницей. Они так твердо стояли на земле своей родины, веками утверждались на ней, и теперь вдруг она ускользает из-под ног". Сгорание евреев от неразделенной любви евреев к Германии стало зловещей прелюдией к их сжиганию в печах Холокоста.

Тяжесть еврейского вопроса раздавила Вассермана, не дав ему стать большим писателем. Он был забыт. Было время, когда его сравнивали с Германом Гессе и Томасом Манном. Последний убеждал писателя в том, что огромный успех его произведений доказывает отсутствие серьезного антисемитизма. Вассерман отвергал этот довод Манна. Он напоминал последнему, что он и его жена скрывают от своих детей их еврейское происхождение: жена Томаса Манна была крещеной еврейкой. Вассерман писал Манну: "Как бы Вы себя чувствовали, если бы Вас забраковали из-за Вашего происхождения из Любека? В действительности Вы чувствуете обратное: Вас уважают за Ваше происхождение. До сегодняшнего дня, несмотря на все мои успехи, на все книги, которые я написал, я продолжаю упираться в ту же старую стену, в те же смехотворные опасения; я продолжаю чувствовать традиционное отвращение, которое режет по живому и ударяет по внутренней сущности человека".

Вассерман описывает "маргинальных евреев", к которым сам принадлежит. Зигмунд Фрейд, Эрнст Толлер, Стефан Цвейг, Курт Тухольский, он сам и многие другие отвергали связь с религией, еврейской общиной и традицией, но не могли полностью интегрироваться в секулярном немецком и австрийском обществах. Он описывал их как "в религиозном и социальном аспекте плавающих в воздухе. Они больше не имели старой веры, но не приняли новой, то есть не сказали "да" христианству... физическое гетто стало ментальным и моральным".

После публикации сочинений идеологов расового антисемитизма в Германии, Ницше в "По ту сторону добра и зла" (1886) писал: "Евреи же, без всякого сомнения, самая сильная, самая цепкая, самая чистая раса из всего теперешнего населения Европы; они умеют пробиваться и при наибо-

лее дурных условиях (даже лучше, чем в благоприятных), в силу неких добродетелей, которые нынче охотно клеймятся названием пороков". Философ предсказывал конструктивную роль евреев в развитии культуры Европы. Он заявлял, что они станут "основателями и творцами ценностей". Он считал, что их творческие ресурсы воплотятся в "великих людях и трудах... и станут вечным благословением для Европы". Ницше преувеличивал влияние евреев, но правильно замечал их сильное желание ассимилироваться среди нееврейского населения Европы: "Евреи, если бы захотели - или если бы их к тому принудили, чего, по-видимому, хотят добиться антисемиты, - уже и теперь могли бы получить перевес, даже в буквальном смысле господство над Европой, это несомненно; так же несомненно, что они не домогаются и не замысливают этого. Пока они, напротив, и даже с некоторой назойливостью стремятся в Европе к тому, чтобы Европа их впитала и ассимилировала, они жаждут возможности осесть наконец где-нибудь прочно, законно, пользоваться уважением и положить конец кочевой жизни, "вечному жидам"; и конечно, следовало бы обратить внимание на это влечение и стремление (в котором, может быть, сказывается уже смягчение еврейских инстинктов) и пойти навстречу ему: для чего было бы, пожалуй, полезно и справедливо выгнать из страны антисемитских крикунов". Никто не выгнал из страны "антисемитских крикунов". Их мощь и влияние нарастали. "Смягчение еврейских инстинктов" и "назойливое" стремление евреев ассимилироваться в Европе укреплялись, невзирая на рост антисемитизма.

Заметную роль в стремлении слияния с Европой играли "маргинальные" евреи. Оторванные от традиции, маргинальные евреи обогатили культуру других народов. Однако в Германии и Австрии первой трети XX века процесс отчуждения евреев нарастал. Тухольский, Толлер и Цвейг покончили с собой. Вассерман обнажил свою раненную антисемитизмом и неприятием немецким и австрийским обществом душу. 10 мая 1933 года нацисты сожгли тысячи книг неугодных писателей, среди которых были произведения Вассермана. Понял ли писатель, что близится к осуществлению пророчества Гейне: "Это была лишь прелюдия. Там, где сжигают книги, впоследствии сжигают и людей"? Творчество Вассермана разьедал яд юдофобии. Он чувствовал горькую правду: невзирая на интенсивные попытки стать немцем, еврей не может игнорировать свое еврейство. Жернова антисемитизма измельчили его большой талант. Художник не мог творить на высшем уровне с гириями на душе, с непрекращающимися переживаниями из-за невозможности полноценно писать и создавать произведения литературы народа, который его не принимал.

ЖИЗНЬ И ИСКУССТВО ИОСИФА КАПЕЛЯНА

**Алек Д. ЭПШТЕЙН
и Андрей КОЖЕВНИКОВ**

Имя Иосифа Хаимовича Капеляна в "русском" Израиле известно достаточно широко, ибо в 2003 году именно он основал и на последующие пять лет возглавил Объединение профессиональных художников Израиля - своего рода ассоциацию творческой взаимопомощи живописцев и скульпторов - выходцев из бывшего СССР. Однако писать о Иосифе Капеляне сложно, так как его искусство чрезвычайно многогранно: цикл работ на иудейские темы, созданный в неоориенталистском стиле ранней Академии "Бецалель", не стал преградой для появления многочисленных абстрактных работ в стиле неогеогеометрического концептуализма. Натуралистические портреты, написанные, чтобы удовлетворить ищущих "красивой похожести" заказчиков, соседствуют с глубокими психологическими полотнами, напоминающими о лучших произведениях Валентина Серова и Джона Сингера Сарджента. Цикл из 22 работ на темы карт Таро, заставляющий вспомнить работы одной из "амазонок русского авангарда" Ольги Розановой, сосуществует рядом с большой серией картин "Цветы сада Мории", в которой художник выразил свое восприятие своеобразного учения "Живой этики" Елены Рерих. Западающие в душу дагеррромантические "старинные портреты", созданные на основе фотографий конца XIX - начала XX веков, хранятся художником на тех же полках, что и его многочисленные пейзажи, созданные в Белоруссии, России, Литве, Чехии, Польше, Румынии, Хорватии, Франции, Германии, США, Канаде и других странах. Везде, где ему довелось побывать, Иосиф Капелян рисовал, причем все пейзажи созданы им исключительно с натуры, на пленэре. Ограниченные размеры одной статьи, конечно, не позволяют представить творчество этого мастера в его столь различных проявлениях и ипостасях, однако хочется верить, что она побудит заинтересованных читателей к более глубокому знакомству с его искусством.

Автопортрет, 1966 г.

И.Х.Капелян родился 4 июля 1936 года в городе Бобруйске в Белоруссии; его бабушка и дедушка погибли в Холокосте. Рисовать он начал с раннего детства, а с 1947 по 1952 гг. посещал изостудию городского Дома пионеров, которой руководил известный педагог Борис Беляев. Далее Иосиф учился в Ленинградском художественно-графическом педагогическом училище, которое окончил в 1956 году. В 1959-1960 гг. он повышал свое мастерство, занимаясь на графическом отделении Витебского педагогического института, а в 1960-1966 гг. - на факультете графики в Минском театральном художественном институте (с 1991 г. - Белорусская государственная академия искусств), где его дипломной работой стала серия из семи линогравюр "Война и дети".

С 1961 года Иосиф Капелян сотрудничал как художник-оформитель с издательством "Беларусь", в 1970 и 1975 годах

получал призы конкурсов за художественное оформление книг. В 1962-1965 гг. он работал художником в республиканской "Сельской газете", в 1965-1967 гг. - в Музее истории Великой Отечественной войны в Минске. С 1962 года И.Х.Капелян принимал участие в групповых выставках, а спустя четырнадцать лет в Бобруйске прошла его первая большая персональная выставка. О потрясающем мастерстве И.Х.Капеляна уже в молодые годы свидетельствует, в частности, его изумительный "Автопортрет" 1966 года. С 1962 по 1978 гг. он был членом Союза художников СССР.

В 1978 году Иосиф и его супруга Татьяна подали заявление на выезд из Советского Союза, после чего два года были "в отъезде". Это были очень сложные годы, которые, к счастью, сравнительно быстро кончились. Капеляны были среди последних, кому удалось выехать до тех пор, пока "железный занавес"

не опустился еще почти на десятилетие. С 1980 года они живут в Израиле.

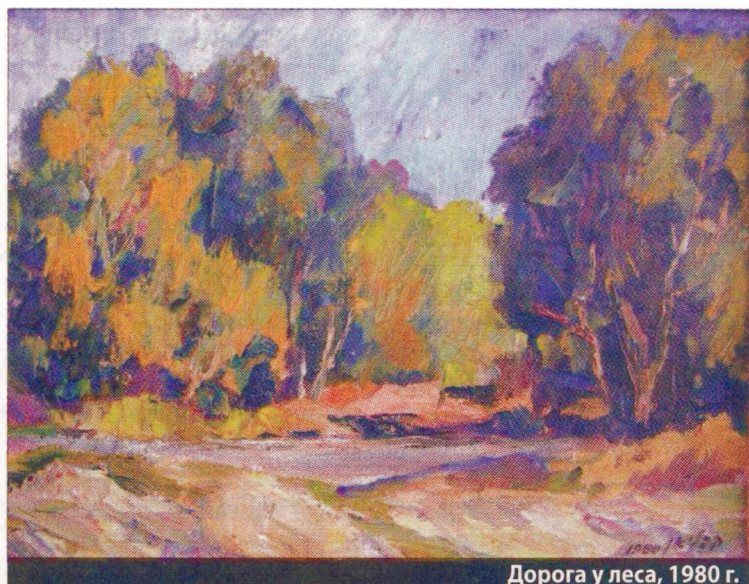
Созданная как раз в 1980 году сравнительно небольшая по размерам работа "Дорога у леса" видится нам своего рода "закрытием главы" своей судьбы большим художником, как тогда казалось, навсегда покинувшим Белоруссию, где он родился и вырос. Картина эта создана в Израиле, но и с точки зрения ее техники, и колорита, и композиции, и тематики она очевидно могла бы быть написана и в Белоруссии; это взгляд назад, своего рода закрытие двери по отношению к прошлому, которое создало фундамент, основываясь на котором художник мог идти - и пошел - значительно дальше. Картина переносит зрителя к зеленой опушке с глинистой тропой, где за песчаными пригорками поднимаются раскидистые кроны деревьев, уже покрывающиеся увядающим осенним золотом и шумящие на пока еще теплом ветру. Тяжелые лиственные кущи, стройные стволы и тонкие ветви в глубине картины обозначены массивными, сочными мазками, порой изменчивыми и быстрыми, будто всплески зеленого ручья, а порой извилистыми, чувственными и тонкими, будто строки, начертанные волнующейся рукой поэта. А в просвете между деревьями открывается еще одна дорога, ведущая куда-то вдаль среди зелени и багровеющих осенних крон, ярко освещенных солнцем. Его бронзовые, желтые, трепетные салатные, контрастируя с голубовато-коричневыми и багровыми тенями в глубине, и этот красочный союз холодных и теплых оттенков придает еще больше силы певучей палитре ранней осени. А над всей этой зеленью простирается чистая, прозрачная лазурь безоблачного неба, лишь местами подернутого едва заметной невесомой пеленой. Песок, глина, зелень, небо, сам воздух, едва заметные, легкие порывы теплого ветерка - все это запечатлено на картине в сочных, насыщенных, почти осязаемых красках.

Первые годы в Израиле Капеляны жили в Бат-Яме. Во второй половине 1980-х годов они были среди основателей деревни художников Са-Нур в

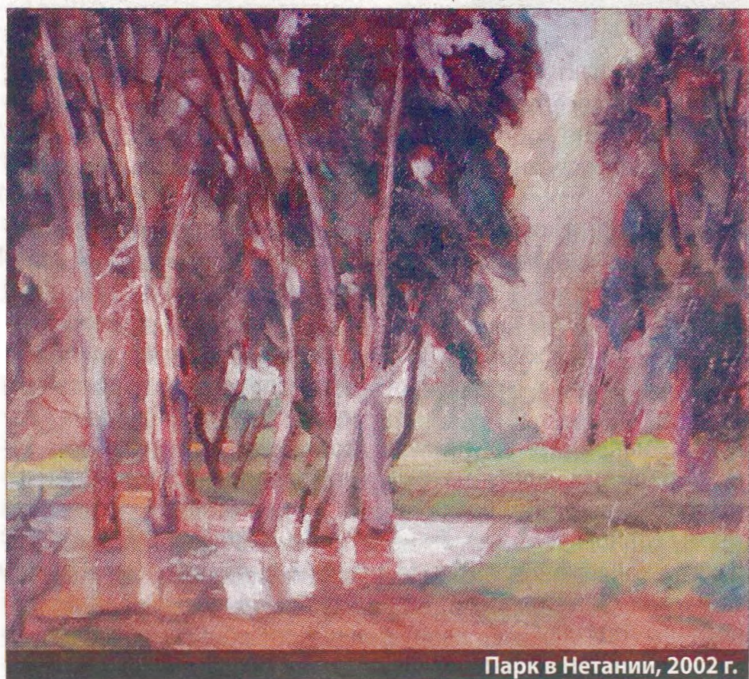
Самарии, просуществовавшей до августа 2005 года, когда она была неизвестно зачем разрушена во имя заведомо нереализуемого в наших социально-демографических реалиях "размежевания". В 1987 году Капеляны приобрели квартиру в Нетании. В этом городе, хотя уже в другой квартире, Иосиф Хаимович и Татьяна Самойловна живут и поныне, там же находится и студия художника, где он гостеприимно принимает всех, кто тянется к его искусству.

На созданном в 2002 году в ставшем родным городе полотне "Парк в Нетании" художник в каждом мазке воспекает сокрытую от торопливого взора красоту тихого и живописного уголка вечернего леса. Краски неуловимо перетекают из полутени к свету, от темно-изумрудной и иссиня-багровой зелени в глубине рощи до светлых изгибов тонких ветвей и серо-голубых проблесков облачного неба, которое проливается тонкими, незримыми струями на деревья, землю, увлажняя и насыщая сочную листву, глинистую тропинку, ведущую к речушке, жемчужными, тонкими брызгами сверкая в воздухе. На картине господствуют темные, густые, пасмурные тона - однако в них нет ни тяжести, ни мрака, ни тоски - напротив, они исполнены певучей гармонии неброской, но так берущей за душу природы. А тем временем ветер раскачивает ветви и волнует могучие кроны деревьев, и живые отражения облаков и тусклых лучей вспыхивают сочными пятнами на зеркальной поверхности воды, разрезаемыми четкими росчерками стволов и ветвей. Их белесо-бежевые отсветы причудливым образом поблескивают на коре деревьев, оттеняя манящий полумрак густых крон и насыщенные буро-зеленые глубины в самой чаще у края картины. Земля наполняется живительными соками и очистительной влагой, и трава и листья поблескивают в скупом свете дождливого дня. Краски - неяркие, но живые и проникновенные - вспыхивают на холсте, обретая новую силу, и совсем скоро природа, напоенная дождем, обновленная и просветленная, заиграет всеми палитрами света в лучах солнца нового дня.

В Израиле и других странах прошли более сорока персональных выставок Иосифа Капеляна, в том числе в 2000 году - в Доме художника в Тель-Авиве, а в 2016 году - в Музее-институте семьи Рерихов в Санкт-Петербурге (там ему была

Дорога у леса, 1980 г.

Парк в Нетании, 2002 г.

присуждена Международная премия им. Николая Рериха). Его работы находятся в Национальном художественном музее Республики Беларусь, Новосибирском государственном художественном музее, Музее природы в Иерусалиме, в других музеях, галереях и частных коллекциях во многих странах мира. Они неоднократно продавались в Израиле многими аукционными домами. Был издан трехтомный catalogue raisonné, посвященный его творчеству, причем первый том включает глубокий обзорный очерк, написанный известным искусствоведом д-ром Мирьям Ор. Он, очевидно, состоялся в профессии, его работы находят своих зрителей, где бы они ни выставлялись (а самые последние выставки художника уже в этом, 2017 г., прошли в Минске и Нефтекамске в далекой как от Израйла, так и от Белоруссии Башкирии).

Иосиф Капелян никогда не жил в Иерусалиме, но не будет большим преувеличением сказать, что многие люди вспоминают и представляют Вечный город таким, каким они его увидели на многих полотнах именно

этого художника. Из нескольких десятков иерусалимских работ И.Х.Капеляна задержим наш взор на двух.

На созданной в 2008 году картине "Цитадель Давида" изображена древняя крепость, один из самых узнаваемых символов израильской столицы - но в ней нет ни следа напускной помпезности и торжественного блеска, напротив, она представлена в приглушенных, лиричных, задумчивых красках. Цитадель не довлеет над всей композицией, и поэтому свет, льющийся с неба чистыми серебряными лучами, свободно озаряет крыши домов иерусалимского района Мамилла, которые виднеются внизу. В эти места приезжают паломники и путешественники со всего мира - но вокруг нет ни единой души, здесь нет привычных толп туристов, и дорога, ведущая к башне, безлюдна и молчалива. Художник дает зрителю уникальный шанс созерцать величественный памятник древности в тишине и уединении, как будто не существует многолюдного города с его непрерывной суетой и шумом. Стены, увенчанные высокой башней, возвы-

Цитадель Давида, Иерусалим, 2008 г.

В окрестностях Иерусалима, 2016 г.

шающейся над городом, выписаны проникновенными, крупными, но неброскими мазками, отливающими нежной охрой, прохладной лазурью; многоцветную полифонию красок оттеняет огромное раскидистое дерево на переднем плане, с крепкими ветвями, распростертыми навстречу неяркому солнечному свету, нисходящему с серовато-бледных небес, переливаю-

щихся бежево-сероватыми теньями невесомых облаков. Крепость, избавленная от ненужного блеска и напускного величия, вживляется в окружающий пейзаж, ее образ обретает совершенно иное, естественное, подлинное звучание. Запечатлев цитадель на фоне неяркого дня, уловив тонкие краски ее стен, оградив ее от городской суеты, художник сумел

особенно чутко передать истинную, глубинную поэзию этой многовековой истории, застывшей в камне, которая от этого еще глубже западает в душу зрителя.

На недавно созданном полотне "В окрестностях Иерусалима" перед взором зрителя за зелеными кущами молодой рощи открывается совсем другой вид. Художник как будто приглашает зрителя на экскурсию, показывая, как в одиночестве и отдалении создаются полотна, которые затем оказываются в центре шумных вернисажей. Обычно на автопортретах центральное место занимает лицо художника, здесь же оно не только не прописано, но и не показано вообще - небольшая фигурка стоящего вполоборота живописца, естественно обращена не к зрителям, а к полотну на стоящем перед ним мольберте. На этих уединенных тропах царит природа, буйная, цветущая и почти первозданная, художник здесь один, и зрители оказываются невольными свидетелями творческого процесса. Полотно, которое мы видим, как будто снято с того самого мольберта, который изображен в левой нижней части картины. Деревья выписаны свободными, сочными, звонкими мазками, на фоне трепещущей, благоуханной зелени, а желтеющая от летнего зноя листва кустарников, тропинки и песчаные уступы горного склона очерчены золотистыми отражениями солнца. Шумные кроны, отбрасывая острые, четкие от яркого света тени на землю, волнующие и оживляемые привольным ветром, гуляющим на высоте, уходят за границы полотна, тая полупрозрачными пятнами и сливаясь с синим небом, освеженным белыми бликами облаков. А вдали в полуденной бирюзово-золотистой дымке тают кажущиеся полупрозрачными горные склоны и мерцают блики на крышах города. Картина наполнена солнцем, теплом, гармонией и радостным спокойствием, демонстрируя не только и не столько красоты природы к западу от Иерусалима, сколько счастье изображенного на картине художника, запечатлевающего всю эту красоту ради своих будущих зрителей.

Эти зрители - мы; можем ли мы не быть благодарными большому художнику за десятилетия его подвижнического труда?! И разве не естественно, что новые выставки Иосифа Капеляна ценители искусства в разных странах ждут с неослабевающим интересом?!

Барух МЕЩЕРЯКОВ

Настоящий исфахан

На площади Дизенгоф в Тель-Авиве под навесом продают всякую антикварную ерунду. Товар классом выше, чем на блошином рынке, но недостаточно хорош для магазина с зеркальными витринами и ковром на полу. Продавцы тамошние, наглецы и всезнайки, просят цену то непомерную, то смешную, насмехаясь над покупателями и играя с ними, не упуская своего, но и не нагибаясь за всяким позеленевшим ломаным грошом. Все хорошо проводят время за кофе, за разговорами, за торгом, за разглядыванием.

Пожилой мужчина с большими усами торгует столовым серебром. Разнокалиберные чашечки, ложечки, блюдца, миски, подносы, конфетницы, половники, разделочные ножи для жаркого, для рыбы, для торта, для фруктов, мельхиор и настоящее серебро, чеканные, с чернью, с насечкой, с эмалью... Особняком стоит пузатый вытянутый вверх серебряный чайник с изогнутым носиком, крышкой с острой шишечкой, с чернью и насечкой, выполненной по округлому боку картиной из восточной жизни. Всякое такое: пальмы, мальчики в фесках, верблюды у пруда, в который глядится грустная красавица с кувшином на плече, какие-то арки, какие-то виноградные плети... тонкая работа, наивная картинка, весь восточный набор штампов за раз. Что-то такое, что было на бабушкином гобелене над кроватью.

Если вы спросите цену, мужчина сразу не скажет вам. Он скажет:

- О, это исфахан! Настоящий исфахан! Послушайте, как звенит! - и слегка щелкнет ногтем по округлой стенке.

Раздается тихий, мелодичный и какой-то окончательный звон.

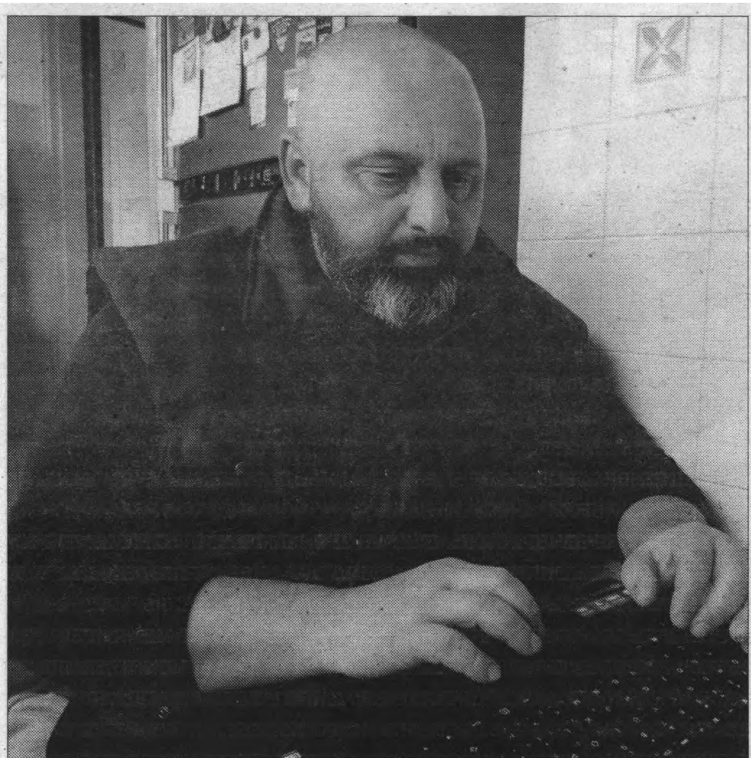
- Исфахан! - говорит мужчина.

Вы нетерпеливы, вы не строите из себя знатока, вы хотите знать цену.

- Сколько все же стоит, уважаемый?

Мужчина прикрывает глаза тяжелыми веками с длинными персидскими ресницами, пожевывает губами, спрятанными в серебряных усах, и тихо говорит:

- Это настоящий исфахан, - а потом без паузы называет

цену, от которой у вас отваливается челюсть.

Придя в себя, вы качаете головой, мол, не по деньгам, и отходите в сторону, а потом вас уносит дальше поток зевак и собственное любопытство. Но если вам придет фантазия взглянуть на этот чайник еще раз, вы увидите, что мужчина с серебряными усами не собирается продавать свой исфахан - вернее, Исфахан, из которого он, а скорей, его предки уехали, чтоб никогда уже туда не вернуться. Исфахан, от которого мало что осталось. Они делают вид, что им неважно, что вот они продают старый серебряный чайник, но на самом деле не готовы расстаться со своим Исфаханом и будут держать его на виду у других, но в своем поле зрения и никому не отдавать.

Слушаю старинную "Машину времени", тонкий голос тогдашнего Макара, перемежая со старинным "Аквариумом" и таким же юным Гребнем. Тонкая работа, наивная картинка, весь набор штампов зараз. Исфахан, в который нам уже не вернуться. Настоящий исфахан, какого уже не делают. Нету такого серебра.

Почти как он

А. Я ж не рассказал про Шуфутинского.

Мне ж раз чуть-чуть профит не вышел из-за моего с ним сходства (хотя, на мой взгляд, ни фига я на него не похож, но допустим).

Давно это было, лет десять назад, а то и пятнадцать, не помню точно, но был я тогда, конечно, моложе. Сидели, бухали как-то у моего приятеля Леньки, как у нас тогда водилось, с размахом и удалью. Водка в Израиле была недорогая, еда и нынче не сильно кусается... - сидим, короче, пьем, едим и славим Господа.

И вот в какой-то момент замечаю, что один незнакомый мне Ленькин знакомец косится как-то. Ну, я ничего, вида не подаю, а пошли покурить, спрашиваю, чего, мол, уставился, будто у меня сиськи четвертого размера? А он говорит без обиняков: ты, мол, на Шуфутинского очень похож, а у меня ресторан. Можно, говорит, подзаработать.

На предложение денег я всегда живо реагирую, а интерес теряю уже потом, когда выясняется, что надо будет-таки работать. Давай, говорю, а как?

Пошлем тебе костюм вроде его, говорит, напечатаем афиши: "Один концерт двойника Миши Шуфутинского. в Израиле!", продадим билеты, публика придет, закажет что-то. Тебе, говорит, с общего сбора десять процентов.

Я прикинул: даже если в кассе десять тысяч наберется, мне и то получается целая штука шекелей. Я тогда был небогат (я и сейчас, ну ладно), и за такие деньги работал примерно две недели. А тут два часа позора, и они мои.

В общем, согласился.

Десять процентов малова-

то, говорю, но давай попробуем, идея интересная. Он сказал, что обдумает детали и позвонит.

Не позвонил, собака, а потом и вовсе свалил в Канаду, и следы его лыж затерялись на заснеженных просторах Виннипега - или куда он там двинул.

А я и сейчас, бывает, вспоминаю, какие картины удивительно богатой жизни пронесли тогда в моем разгоряченном обещанием легких денег мозгу.

И что характерно, с легкими деньгами всегда у меня так - ни разу не обломилось. Похоже, так и сдохну с кайлом в руках.

А Шуфутинского я с того случая еще сильнее недолюбливаю.

Вот, например

Вот, например, вы никуда не торопитесь, идете на рынок и выбираете там баклажаны. Ну ладно, например, вы не любите баклажанов, выбираете картошку, или яблоки, или чего вы там любите, например, помидоры. Вот да, пусть будут помидоры, я, кстати, люблю помидоры и всегда с удовольствием выбираю, скользая пальцами по одновременно глянцево и матовой странной шкуре, и глаз испуганно, бешено радуется их невыразимому цвету, этой красноте, оранжевости, прозелени и уверенной бархатности неотпавшей плодоножки.

Вот, например, вы выбрали помидоры и идете выбирать сыр. Вам, например, не всякий сыр можно, поэтому вы выбираете меж белых, белоснежных и с легкими оттенками желтизны и кремевости, с вкраплениями оливок или укропа, с легким призапахом чеснока или искрами красного перца, пробуете тончайшие упругие ломтики, которые вам щедро скармливает торговка, говорящая с грузинским акцентом, а потом расплачиваетесь - нет, не карточкой, а цветной бумажкой и получаете на сдачу другую цветную бумажку и горсточку разноцветных металлических кругляшей и идете себе дальше по рынку, обозначая кивком головы шалом шапочным знакомым с именами и без, для которых вы тоже то имеете имя, то не

имеете, то имели, но утратили, да, и жизнь продолжается, а имена осыпаются, как листья в зимнюю бурю.

Черт, как зовут этого парня? Он как-то раз сильно помог мне с не говорящей на иврите соседской старушкой. Шломо? Давид? Моше? Зеэв? Дов?..

- Шломо! - кричит торговка зеленую по имени Бэла, акцентируя на последнем О, и парень оборачивается. О, как вовремя случается иногда хоть что-то пусть не очень важное, но приятное!

- Хай, Шломо! - радостно приветствую я его, и Шломо улыбается. Он-то точно по имени меня не вспомнит: ну, покупаю я иногда в лавке его матери пару килограммов баклажанов или помидоры, или виноград. Кстати, почему не виноград, например, я покупаю, почему помидоры? А почему бы и не арбуз?

Раскат грома, похожий на пушечный выстрел, и порыв ветра сразу после напеминают, что арбузам уже не время - дело к зиме, капитан. Гром заставляет поднять голову вверх, и вот вместо безупречной осенней синевы я вижу нечто черно-сине-серое и радуюсь скорому ливню. Очень, знаете ли, по-израильски радоваться нашим бешеным дождям и даже граду. Потом, конечно, надоест, как надоедает ровная и беспросветная многомесячная жара, но пока я радуюсь, мы все радуемся, что дожди напоят нашу землю, наполнят Кинерет, и в следующем году будет достаточно воды нашим помидорам, баклажанам, арбузам, винограду и разным негодным для еды растениям, существующим для одной только радости их видеть, вроде травы в скверах и всяких там декоративных пальм.

Вы, например, собирались потом на море, чтобы ненадолго послушать его громкое дыхание и ощутить запах близкой воды, но раз дождь, вы не расстраиваетесь, а идете домой, а там, например, чай с сухариком и листиком луизи, кресло из "Икеи" и огромное окно, в которое можно смотреть, как струится с неба пока еще теплая вода. Детей нет дома, и Инка на работе, но вы можете ей, например, позвонить и сказать: "А у нас дождь" - и услышать в ответ: "А у нас тоже".

Слушай, Израиль, сердце мое разрывается от любви.

"Иерусалимский журнал",
№ 56

ПЛЯЖ В ТЕЛЬ-АВИВЕ, или ДЕНЬ-ПРАЗДНИК

Шуламид ШАЛИТ

Шеф улетел в Канаду. И у меня отпуск!

Год выдался нелегким: все вокруг, то один, то другой - болеют и болеют. Чем я лучше других? Иногда ведь работаем и при плохом самочувствии, надеясь на "само пройдет". Скажем, от долгого сидения за компьютером ноги распухли, как говорила моя тетя Аня, "до безобразия". Надеюсь, что тут применимо именно такое извлечение из длинного перечня причин: "Риск опухания ног повышен у людей, которые проводят много времени стоя или сидя..."

С весны я мечтала поехать на море. Весна сменилась летом, в августе по всему миру пошли пожары (Франция, Португалия, Италия) и наводнения (Кубань и Геленджик, Техас и Индия с Непалом), а тут всего лишь жара. Обзвонила друзей - в Москве, Майами, Литве, Армении - почти всех или печет, или жарит... Прилично только в Австралии, ну, и в Канаде...

И вот на календаре 31 августа! Последний летний день. Жарко, но ведь привычно. Или сегодня, или... не хочу писать "никогда"... Всей-то дороги на маршрутке - с полчаса. Первая удача - водитель был настолько мил, что не пришлось ни ждать у светофора, ни переходить широкое шоссе. Мне, последнему пассажиру, он открыл двери почти у самого синего моря. Ступив на тротуар, попадаю в неведомое пространство. По всей длине побережья, сколько мог охватить глаз, от электростанции Ридинг на севере до самого Яффо на юге - светлые ромашки раскрытых зонтов, как в кино...

Да, обновленный пляж в Тель-Авиве показался мне таким шикарным, как будто я никогда ничего лучшего в жизни не видела. Даже смешно.

Год назад (или два года?) мы ехали вдоль набережной, и я видела горы вырытой земли между шоссе и морем, еще подумала, возможно, будут прокладывать какие-то трубы, электронику против вражеских вылазок с моря...

Как же могло произойти, что я одна, наверное, единственная среди жителей Тель-Авива, не знала о том, что все выкопали и увезли, чтобы привезти белый чудесный песок, как в Юрмале или Паланге, на все побережье! И это произошло не вчера... Отремонтировали, обновили светлой плиткой все службы в здании, где туалеты, душ, медпункт, наверное, есть там и кафе, но туда я не дошла. Расставили автоматы для хранения вещей, для продажи билетов на зонты, стулья (креслица), шезлонги (по 6 шек.), раскладушки (12 шек.)... А песчаные терраски в море, а чистая прозрачная вода, а небо в пушистых белых облаках... А тишина... Одна беда, лично моя, - рыбки грызут пятки (как за деньги в гостиницах на Мертвом море), и тут приходится все время подпрыгивать, рыбки кусачие. Но Светлана из Ганей-Авив, мы познакомились час назад, стоит - и ей хоть бы что. А я - как уж на сковородке. Она объяснила, что эти рыбки, как и комары, любят выборочно: одних кусают, других не трогают вообще...

Обслуживающий персонал - как ни странно, но многие говорят по-русски и, представьте, все вежливые, мне и билет выбили, и сдачу из чашечки собрали и аккуратно на ладонь положили, и стул ножками в песок поставили - к воде поближе. "Насколько разре-

шено", - сказал услужливый юноша, который при прощании назвал свое имя: Павлик. Перед уходом, после душа, заметила и спортплощадку, и ряды кранов на бетонном настиле... Многие моют ноги прямо в сандалиях, кроксах, разного рода шлепанцах... И спокойно топают дальше! Все сохнет на бегу, на лету! Жара!

Ну, почему, почему я столько месяцев прособиралась?!

Только перейдя дорогу, возле "Бейт а-опера" на улице Алленби, напротив веселого фонтана, я поняла, что надо срочно что-то выпить, и тут же - широко открытая дверь (когда-то продавали только внутри здания) в "Арому", и я купила себе кофе с молоком, в бумажном стаканчике, и вот так, попивая из соломки в крышечке, вошла в "маршрутку" и сказала водителю: "Допью и заплачу". - "А ты садись на первое кресло, поближе, поговорим, раз ты едешь этим маршрутом, почему я тебя не знаю?" Стали входить новые пассажиры, один с длинной бородой и в черной шляпе раздавал бюллетень "Восхождение", другой держал в руках два роскошных букета, он объяснил, что цветы не для учителей (завтра 1 сентября, но здесь букеты в школу не принято носить), а для его внуков - просто поставит в вазы на их столах! Почему такие люди - не твои соседи? Вышел у рынка "А-Тиква" и пропал из виду! Но праздник еще длится...

Мы едем, и я про себя шепчу: "Вези меня скорей, водитель, мне мужа кормить надо ровно в час дня!", а оставалось всего минут 15-20... Возле нашего дома я вспомнила, что сегодня четверг и надо купить газету, а Авраам и Рафи говорят, что мой муж только что был и газету купил... Я почти бегом по двору, по диагонали, но какая-то машина, выезжая, вспугнула меня, и я обернулась... А за мной идет мой муж (видно, из другого уже магазинчика, от Шмулика) и улыбается. И я радостно бросилась ему на шею...

Потом вспомнила, что такая же сцена - по неожиданности, по духу и чувству - произошла когда-то после его возвращения с военных сборов... Прошло всего около полувека... Когда мы дошли до нашей машины, он открыл дверцу и подал мне маленький, изящный, многоцветный букетик, лежавший на "моем" сиденье. Машина чистая и снаружи, и внутри. С бензопомпы он поехал прямо в цветочный магазин, а въехав во двор, пошел еще за чем-то в наши, под домом, маколеты. И не забыл про газету. Чаше забывает.

После обеда я легла с томиком Бальмонта. Кто сегодня читает Бальмонта? Ну, смешная я! И заснула. Спала без кондиционера и без вентилятора полтора часа как убитая, очнувшись, не знала, утро ли в мире или вечер, от лихо проведенного последнего летнего дня ломило кости, но не лишало счастья.

И пришел первый день осени, и второй, и третий, сегодня уже 17 сентября, через три дня наступает Новый еврейский год - Рош а-Шана. Звонит Цилия из Кармиэля. Мы знакомы только по телефону, но у нее есть список тех, кого она поздравляет со всеми праздниками уже много лет. Заканчивает она обычно так: "...и большого счастья вам, вашим близким и друзьям в творческой и личной жизни!". Пусть пожелания этого доброго человека будут услышаны! По прогнозу у нас завтра не 31, а только 30 градусов тепла, может, послезавтра - всего 29? Все может быть, бывают же дни - праздники!

EINE KLEINE NACHTTNEATER

Комедийная фантастика

Ян КАГАНОВ

Ночь. Темная квартира. Раздается оглушительный стук в дверь. Зажигается свет в прихожей, к двери подходит хозяин.

ХОЗЯИН: Минуточку. Что за шум? Кто это?

ГОЛОС ИЗ-ЗА ДВЕРИ: Тут живет Еврей Израилевич Иудеев?

- Да, это я.

- Откройте, погром.

- Простите? Вы сказали "погром", я правильно расслышал?

- Правильно ты расслышал. Интеллигент хренов, он еще переспрашивает. Дверь сам откроешь или нам помочь?

- А вы какие погромщики? Представители местного народно-освободительного движения, поклоняющиеся сомнительным героям прошлого, или сознательные провокаторы соседней страны-агрессора, вбивающие клин между братскими народами, мирно живущими на этой земле?

- Чего-о-о-о? Тебе-то, Еврей Израилевич, какая разница?

- Ну, как же. Я же должен знать, кто собирается меня убивать. Может, я смогу словами достучаться до ваших чистых, в сущности, душ.

- Сука, он еще издевается над нами! Ломайте дверь, мужики! (Страшный шум и треск.)

УДИВЛЕННЫЙ ГОЛОС ИЗ-ЗА ДВЕРИ: Господа, что здесь происходит? Я сосед, и вы своим шумом мешаете мне спать.

ГОЛОС ВОЖАКА ПОГРОМЩИКОВ: Не мешай. Погром Иудеева тут. Иди спи, добрый христианин.

ГОЛОС СОСЕДА: Ах, погром. Идеальная борьба, так сказать. Конечно, конечно, не буду мешать. Всю ночь сладко спал, ничего не видел и не слышал.

ИУДЕЕВ: Господа, может, вы все-таки снизойдете до объяснения своей идеологической платформы?

ГОЛОС ВОЖАКА: Вот достал, а?! Нет у нас никакой платформы. Богатая квартира, машина под окном...

ИУДЕЕВ (автоматически): Две машины. Имейте в виду, я буду защищаться. (Хохот снаружи. Дверь с треском разлетается, в квартиру вламываются погромщики. Иудеев достает из-за спины автомат и расстреливает их. Убеждается, что погромщики мертвы. Достает сотовый телефон.) Алло, да, это я. Пришли мне скорее группу уборки и мента понадежнее. Самооборона, ага. (Задумчиво стоит посреди комнаты. Достает из кармана халата пистолет, выходит из квартиры. Звонит.)

ГОЛОС СОСЕДА: Ой, Еврей Израилевич? Я так рад, что у вас все в порядке...

Два пистолетных выстрела. Иудеев возвращается, стирает отпечатки пальцев с пистолета, кладет его в руку одного из погромщиков.

ИУДЕЕВ (обращается в зрительный зал): Мне говорят, бросай тут все, тут опасно, езжай в Израиль! А я не хочу. Я почему Израиль не люблю? За его диспропорциональные ответы соседям. Неоправданное применение силы, жертвы среди мирного населения. Неприятно. (Обводит глазами трупы на полу.) Ой, да что вы сравниваете?!

Михаил КОПЕЛИОВИЧ

*Век целый грянул оземь,
а мы и до сих пор
никак понять не можем,
из-за чего сыр-бор.*

В самом деле. Столетие чего отмечаем мы в октябре-ноябре 2017 года? Великой революции? А может быть, Великой катастрофы? Возымели ли события столетней давности существенное влияние на участь одной, отдельно взятой страны и на судьбы всего мира?

Черт с ним, с запретом на употребление сослагательного наклонения при осмыслении исторических событий! В самом деле, что приключилось бы с Россией, если бы ей удалось обойти этот роковой поворот на своем историческом пути? И что стало бы со всем миром, по крайней мере с той его частью, где, по прежним (все более устаревающим) представлениям, утвердилась иудео-христианская цивилизация?

Их, эти вопросы, догоняют не менее важные. Такие, к примеру, как: могло ли в Петрограде осенью 1917 года сложиться иначе, чем сложилось? Могла ли история России "позволить" по-иному разрулить тогдашнюю революционную ситуацию?

Все это требует ответа, может быть, и не окончательного (каковой знает только Бог), но хотя бы более или менее разумительного.

Итак, попробуем.

Первое. Я позволю себе подвергнуть сомнению версию Троцкого, согласно которой, не будь в тот момент в Петрограде его и Ленина, большевистский переворот не состоялся бы. Троцкий был лидер наполеоновского типа и роль выдающейся личности расценивал как определяющую в тех или иных исторических сдвигах. Я же придерживаюсь взглядов на этот вопрос, высказывавшихся Пушкиным (в "Истории пугачевского бунта") и Львом Толстым (в "Войне и мире"). Сходной точки зрения придерживался и Карл Маркс (см. его "Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта"). Господи, да неужели воля одного человека, пусть и сколь угодно гигантская (или воля двух человек, как в Петрограде сто лет назад), может внезапно и кардинально изменить ход исторических событий? Предводитель, по Пушкину, появляется тогда, когда в нем возникает актуальная необходимость ("Недоставало предводителя. Предводитель сыскался"). Конечно, я далек и от того, чтобы умалить роль предводителей, но думаю, что сперва она все же подчинена року событий; и лишь потом, после решающего сдвига, многократно возрастает.

Большевики, начиная со средин 1917 года, быстро двигались к победе, потому что они правильно раскусили сущность своей, якобы недостаточной пониманию, страны (ну, как же: "Умом Россию не понять..."). Если брать всю историю России, то в ней (истории) заключена одна неотменимая закономерность: перманентная смена очередной

К СТОЛЕТИЮ... ЧЕГО?

Реформы столь же регулярной Контрреформой, и чем основательней и глубже первая, тем вторая реакционней. Примеров можно привести много (интересующихся отсылаю к книге Александра Янова "Русская идея и 2000-й год"). Иначе говоря, Россия только тогда идет по своей столбовой дорожке, когда в ней, России, - "две напасти: внизу власть тьмы, а наверху тьма власти". Но и тактически большевики оказались вооружены намного лучше всех других тогдашних (1917) политических сил своей страны. Они, единственные, обещали народу выход из осточертевшей мировой войны.

Второе. Сторонники "теории случайности" победы большевиков в России в 1917-1918 годах отмахиваются от простого резона: одно дело - захватить власть и совсем другое - удержать ее. А ведь большевики удерживали - и все более укрепляли - свою власть в течение трех четвертей века! Где ж тут случайность? Л.Млечин дает этому феномену крайне поверхностное объяснение: "Дальше они (большевики. - М.К.) проявили невероятное мастерство удержания и распространения своей власти" (см. его интервью газете "Московский комсомолец" в приложении "МК" к "НН" за 15 июня; он, кстати говоря, один из сторонников "теории случайности"). Невероятное мастерство? Даже фокусник в цирке зависит не только от своего мастерства, реального или мнимого, но и от того, принимает или не принимает его публика. Большевики - в конечном

счете - получили свой мандат от населения России, так же как спустя полтора десятилетия такой же мандат получили нацисты от населения Германии. Гитлер оставался у власти всего двенадцать лет, но это лишь потому, что развязал Вторую мировую войну. Если бы не эта идиотская авантюра, мог бы продержаться столько же (а то и больше), сколько Сталин - у власти в России.

Итак, я полагаю, что на вопрос: случаен или нет приход к власти большевиков в 1917 году - релевантен лишь один ответ: не случаен! Вот дальше борьба в собственном гадюшнике была чревата разными возможностями. Победил Сталин, лучше других вождей понимавший человеческую природу и, будучи профессиональным мафиози, сумевший сравнить между собой всех своих конкурентов. Троцкий, Зиновьев и прочие проиграли не потому, что были меньшими, чем Сталин, злодеями, а потому, что хотели получить все и сразу, а Сталин обладал завидным терпением и завоевывал позиции шаг за шагом. Но если бы, в силу каких-то причин (предположим, смертельной болезни Сталина в процессе борьбы за власть), на самом верху оказался бы Троцкий или Зиновьев, все дальнейшее, по каким бы конкретным путям оно ни пошло, так или иначе окончилось бы большой резней. Это ведь предсказывал еще Достоевский в "Бесах"; вспомните один из пунктов пресловутой "шигалёвщины": раз в тридцать лет пускать "судорогу", когда у рабов появляются первые при-

знаки "скуки" - "и все вдруг начинают поедать друг друга, до известной черты". Единственное, в чем ошибся Шигалев, так это в сроках. Сталин пускал судорогу раз в десять лет: в 1927 году - решение о "великом переломе", в 1937-м - пик Большого террора, в 1947-м - начало борьбы с "безродными космополитами"...

Третье. Очередь за вопросами, открывающими данное письмо.

Победа большевиков, на мой взгляд, была и великой революцией, и великой катастрофой. Как я только что напомнил, любая революция рано или поздно пожирала своих детей. Могу добавить к этому, что, даже если начинают революцию идеалисты (конечно, среди большевиков первого призыва таких было немало), то продолжают ее прагматики-шкурники, себялюбцы и властолюбцы, люди, готовые на любые преступления и зверства во имя достижения своих алчных целей. Таков был финал Великой французской революции, и то же самое наблюдалось чуть ли не с первых лет после так называемого Великого Октября.

Для такой социально и национально разнородной страны, как Россия, революция еще и потому не может не быть катастрофой, что "не приведи Бог увидеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный". Преступления перед своими подданными, какие совершила имперско-большевистская власть в России, неслыханны в мировой истории. Систематически уничтожать свой народ (и без того в целом "попугайный"), как это делали Сталин и присные, - единственно ради превращения его в стадо, и за страх, и за совесть выполняющее волю своего пастыря, - на такое, кажется, не решался ни один тиран в мировой истории. Гитлер готов был уничтожить половину (чужую) человечества ради "процветания" другой (по большей части своей) его половины; в собственной стране он подавлял - не по принципу "я планов наших люблю громадь" - инакомыслие или то, что казалось ему таковым, уничтожая доказанных или подозреваемых адептов сего "безобразия".

Из этого следует, что влияние и на участь своей страны, и на судьбы мира события октября 1917 года оказали огромное. Со страной все понятно - тут нечего и доказывать. Но, не случись большевистский переворот в России (а не случиться он, увы, не мог; не в октябре 1917 года, так в июле 1918-го или еще двумя-тремя годами позднее), даже Вторая мировая война могла бы не произойти или не потребовать таких жертв, не говоря уже о предшествовавшем ей и спровоцировавшем ее захвате нацистами власти в Германии. Правда, впрочем, и то, что сталинский Советский Союз также был нацелен на ту войну и не постеснялся бы ее развязать, если бы его не опередила гитлеровская Германия, первой нарушившая Пакт о ненападении, чаще называемый ныне пактом Молотова-Риббентропа. (См. "Ледокол" и последующие книги Виктора Суворова.)

Сентябрь 2017

О ДВУХ КИНОФИЛЬМАХ

Наум ВАЙМАН

С подачи приятеля посмотрел фильм "Однажды в Германии". Тоже вроде бы из "фильмов о Катастрофе". Но он мне понравился. Не как "кино" (добротно, но без изысков), а "подходом", "мыслью", если угодно. Во-первых, сами "ужасы Катастрофы" остаются на заднем плане, как "фон", и не о них речь (самое отвратительное, это когда зрителю под нос тычут эти ужасы, якобы с целью убедить его в "нравственной неприемлемости" нацистской идеологии и практики, ну, типа это так ужасно, что "не должно повториться" или "мы не дадим этому повториться" - типичная схема, такой садизм со справкой о его лечебном воздействии). Во-вторых, ситуация дана "с еврейской точки зрения": нет общемировой трагедии, нет "краха нравственных ценностей", просто речь о нашем национальном характере и нашей судьбе. В этой интимности - правдивость (то, что я советовал Кончаловскому насчет "Рая": лучше бы рассказал о русских, у них своих катастроф, особенно в прошлом веке, пруд пруди).

Режиссер Сэм Гарбарский родился в 48-м в Германии, живет, видимо, в Бельгии, в русской сети о нем почти ничего, и даже в английской (Википедия говорит о нем только по-немецки), его соавтор по сценарию - Берманн, такова и фамилия главного героя.

Действие картины происходит через год после войны, во Франкфурте: несколько евреев (человек семь), обитателей лагеря для перемещенных лиц, организуют бизнес - продажу немецким домохозяйкам "французского белья" (нет, не нижнего, а прозаического, постельного - полотенца, простыни, наволочки), вполне в духе Янкеля, так восхитившего Тараса Бульбу (проезжая предместье после погрома, Тарас Бульба "подивился бойкой жидовской натуре", увидев, "что жидок его, Янкель, уже разбил какую-то ятку с навесом и продавал кремни, завертки, порох и всякие войсковые снадобья, нужные на дорогу, даже калачи и хлебы. "Каков чертов жид!" - подумал про себя Тарас"). Вдохновитель "фирмы" - некто Берманн, лет сорока, у его семьи (полностью погибшей) был во Франкфурте большой магазин белья, и он знаком с "материей", но ему американские власти не дают лицензии, поскольку он под следствием, как подозреваемый в сотрудничестве с нацистами, поэтому он берет компаньонов. Всю команду объединяет страстное желание попасть в Америку - этой цели и служит их коммерческая деятельность. Ребята мечтают об Америке, как о ней мечтали советские диссиденты в 70-х... Этот Берманн, шутник с горькой усмешкой, похож немного на Остапа Бендера, а некоторые персонажи - на Паниковского, которого нельзя трогать, поскольку у него "истощение нервной системы", и вся эта история, рассказанная в фильме, как и истории о его лагерных приключениях,

Кадр из фильма "Однажды в Германии"

Кадр из фильма "Приключение"

рассказанные героем во время допросов американской следовательнице-еврейке, носят иронически-фантастический характер, в этом плане фильм немного напоминает "Жизнь прекрасна" Роберто Бенини. В сюжете, казалось бы, и нет каких-то громогласных событий: ребята торгуют потихонечку, втюхивая товар наивным немецким домохозяйкам, не чураясь и мелкого жульничества (впрочем, в одном из случаев их так поливают бранью в стиле "мало вас Гитлер сжигал" - удивительно, кстати, живучая фраза, я впервые услышал ее в классе пятом, столкнувшись с кодлой мальчишек), кто-то влюбляется-женится, кто-то пытается мстить бывшим нацистам и очень неудачно, в конце концов все уезжают в Америку, кроме главного героя, заявившего: "кто же должен остаться, нельзя же отдавать такую прекрасную страну немцам"...

Фильм, конечно, нельзя назвать реалистическим, но в этой сказочке есть и намек, и добрым молодцам - урок. Я уже писал о "бойкой жидовской натуре" - это главный образ фильма. Здесь нет образа еврея-мудреца, рассуждающего о жизни (довольно популярного у "прогрессивной еврейской интеллигенции"), нет вообще никаких рассуждений о жизни, ци-

тат или литературных реминисценций (как в фильме Кончаловского: "что сказал бы Чехов"), разве что - несколько затасканных еврейских анекдотов, здесь не рассуждают о жизни, а живут, и, по сути, это и есть, согласно идее авторов, подлинный образ еврея: жизнелюба, в этом его главное отличие от образа христианской или "героической" Европы, полюбившей смерть.

Американская следовательница, не верившая ни одному слову подследственного, в конце концов, отдается новоявленному Остапу Бендеру и говорит ему в перерывах между объятиями: "А ведь ты не герой". Она зовет его и вруном, на что обаятельный циник отвечает: "Но это не помешало тебе отдаться", и "Человек должен что-то присочинить, иначе жизнь станет невыносимой. Да, такая вот "философия жизни", пусть кому-то (тем же "европейским интеллигентам" из евреев) она покажется неприглядной: не думать о жизни (тем более не мечтать о счастье человечества - тьфу, гадость), а жить. А жить - значит выживать. И поэтому они мечтают об Америке, а об Израиле - ни слова, Израиль - это слишком серьезно. Единственно, что напоминает о еврействе, кроме изгнаннической судьбы, это

трехногий песик Мотек, что на иврите означает "сладкий", "лапочка", который таскается за бизнесменами.

Есть в фильме и мотив "прощания с Европой". И мотив краха "немецкого проекта", как проекта ассимиляции евреев в Германии. Таким же крахом закончились и другие "частные" проекты ассимиляции: польский, венгерский, чешский, австрийский, русский, а вот теперь заканчивается и французский. Не место и время разбирать почему да как, просто - факт, а факты упрямая вещь.

Показывали по 3-му каналу Yes (израильского ТВ) фильм Микельанжело Антониони "Приключение", 60-й год... Я не большой поклонник Антониони, и тогда и теперь он мучил меня своей томительной многозначительностью, за которой я ничего не видел (это не значит, что ничего не было), кроме навевания тумана, как это делают на театральных сценах, иногда столько "туману" навеют, что ни сцены не видно, ни актеров, ни действия. Типичный метод многих толстощеких (от упорного, как спортивные тренировки, надувания щек) интеллектуалов: когда все в тумане, можно и вообразить все что угодно, и сказать, что "вы главного не увидели", да и сомневающимся неудобно признаваться, что ничего, кроме тумана, не видят - еще обвинят в недостатке воображения и интеллекта.

В большой мере это "затуманивание" стало свойственно Тарковскому, начиная со "Сталкера", и всей его "школе". Это называлось "философское кино", или "поэтическое кино". И этот фильм - очень длинный для тех лет (два с половиной часа!) - страдает длиннотами, ложной многозначительностью и "загадочностью", тем более когда в главной роли Моника Витти, которую Антониони нашел, облюбовал и выставил, как образец женской загадочности, таинственности, необъяснимости. И тут она на пике своей "загадочности".

Фильм, на протяжении двух третей времени зливший меня занудностью своих многозначительных символов: вот море, смотрите, дети, оно так похоже на женщину, столь же непредсказуемо, тревожно, опасно и прекрасно, вдруг, хотя и постепенно - странно, что я вообще вытерпел эти муки - втянул меня в свой томительный, завораживающий круг. Конечно, мне помог вытерпеть "визуальный ряд", который строит Антониони, он и в самом деле тревожен и прекрасен, поэтичен, откровенен, жесток и мудр, и навязчив, и властен, и он не дает тебе просто плюнуть и уйти, он заставляет возжаждать разгадки, утешения, успокоения. И в последних кадрах фильма оно приходит, это утешение, и тогда, вдруг, понимаешь, осознаешь (я, во всяком случае, осознал), что это творение гениально.

Вот так с большими художниками, с наскоку их "не возьмешь", на бегу ими не насладишься. С ними надо подружиться, посидеть рядом, и поговорить, и помолчать, и вдуматься, и вжиться. А некоторые требуют просто отдаться им...

Окончание. Начало на стр. 1

Лев Лосев

Ася Векслер

Семен Липкин

Елена Аксельрод

светим", кто страдал "от скуки и лжи", но "всё ж был к месту", занимался наукой, или стихами, или протестом, порой "приходили к признанию". И в то же время констатирует, что умер там и не воскреснет здесь.

Если эмиграция не изменила идейной направленности коржавинской поэзии, то в А.Межирове она произвела переворот, превратив его из советского литератора в русско-еврейского, обнаружившего в себе "отметину двоякого изгойства" и в своей котомке "только пятую статью", хоть он "необрезанный и некрещённый". Уехав в США в 1992 году к внучке и дочери, поэт чувствует себя в "чужом Содоме" не эмигрантом, а невозвращенцем, повторяет: "Мне была Россия - мать", но он-то был лишь "приемным сыном", которого "проклинает народ и его подонки". А еще более понимать, что у него "конфисковали Слово", а русское слово - "родина моя". Меняются взгляды Межирова на Отечественную войну, участником которой он был: оказывается, "военные евреи" слагали в блиндажах псалмы, и сама война сопоставима с "Моисеевым Исходом" "из Египта мирового" (поэма "Позёмка", "Триптих", "Потому что непреодолима граница", "Перечислил стенанья и высказал стоны...").

А вот Ю.Колкер, проживающий в Англии, утверждает, что "смерти сродни эмиграция, только страшнее её" и вопрошает: "Что там Россия? Хоть кто-нибудь слышал о ней?". Проведя несколько лет в Израиле, он назвал его необычайной страной, но трудной для жизни. Там когда-то "сокрушался" пророк Иеремия, быть может, провидя Освенцим и Хиросиму, а сегодня юная Суламифь приглашает возлюбленного в тенистый уголок виноградника, и "её пророчеству не нужен перевод" - так неожиданно и юмористически завершается стихотворение "Обыденная жизнь в стране необычайной...". А В. Гандельсман описывает и свои нынешние будни в Нью-Йорке, и давние впечатления от спектакля "Горе от ума" в ленинградском БДТ ("Театр") или от российских железных дорог ("будки стрелочников, курганы, бельцы, / брянски, курски, пустопорожние / грохоты, вокзалы, "ручку позолоти!", но помнит и о выживании "избранного народа" в советском гетто, в "неволе".

По-иному обстояло дело с теми, кто репатриировался на свою историческую родину, в Израиль. Они взволнованы встречей с землей предков и ощущают себя дома: "А мы - изгоев зрячие потомки - / в своём доме живём, / в своей стране" (В.Добин); "Достались мне библейские пространства / И дали дальнотворное стекло", "Я просыпа-

юсь / Впервые в жизни дома, / И не в дали, а здесь умру. / Мне в этом повезло" (Сара Погреб). Наконец-то во весь голос можно признаться: "Я еврей (...)" / И тоски мне не выразить всей. / Цепи рода во мне, / Скорбь народа во мне, / Я застыл у безмолвных дверей" (И.Бокштейн); "Я - иудейка из рода Авраама" (Е.Аксельрод). Они внимательно всматриваются в новый для них мир на Земле обетованной с его заботами, тревогами, проблемами и стараются освоиться в нем: "Умом и сердцем разобраться мне бы / в ближневосточной неизбывной драме...", "Над моей измученной страной / Задумался навечно небосвод" (З.Палванова).

Еврейская тематика в израильской русскоязычной поэзии разнообразна (см. антологию "Сто двадцать русских поэтов Израиля". - Тель-Авив - М., 2005). Это географические и пейзажные зарисовки: "В Яффе", "Кумран", "В Хайфе" И.Лиснянской ("Если снизу смотреть - сад бахайский взлетает в небо, / Если сверху смотреть - сад от храма втекает в море"); "Ветер в Араде", "Февральские дожди" Е.Аксельрод, "Вершина Хермона" А.Волохонского, стихи об Ариэле С.Погреб, "Баал-Хацор" и "Латрун" Н.Ваймана ("Меланхолично старый кипарис / Пасет олив серебряное стадо"); "У истоков Иордана" И.Дегена; "Голаны - тихое пустое плато, / покрытое высокою травой", "Это место знает два состояния: / война и промежуточное перемирие" (А.Барабаш); "Город с хребтом перебитым", "цветы стали солью", "известь выросла в белую злую траву" - "это холм, на котором мой дом, где я живу" (М. Генделев); "От такой жары / мой город стал одинок, / как глухой человек, / живущий в отдельном мире" (С.Крайтман).

Особенно часто объектом изображения становится Иерусалим - "намного прежде Рима вечный город" - "Кого захочет он приворожить, / тому в нагорных улицах кружиться" (Ася Векслер); "И легко уплывает куда-то, / никому не успеть за ним, / по холмам своим рыжеватым / золотой Иерусалим" (Р.Левинзон); Вечерний ветер "город ловит разинутым ртом", затихает до утра, "как после лекарства", "И во сне, озираясь назад, / Чтобы бросить рассеянный взгляд / На короткий размах государства" (Г.Беззубов); "И Иерусалим хрустальный / стекает вниз ручьём отней, / и небо в алмазах отсюда видней, / чем с нашей родины дальней" (Е. Игнатова).

Отличительной особенностью этих израильских пейзажей является нередкое их сопоставление с российскими, ибо Россия застряла "осколком во мне" (С.Погреб):

"Нещадный воздух Азии моей, / Хамсин, плюющий зноем и бензином. / Я забываю застанные зимы, / Закутанные в снежный звон полей" (С.Аксенова-Штейнград).

Там - над катком -

пороша первоапрельских шуток,

Здесь - петушится зной,

идёт раньше срока в рост. (...)

Жара раскачала таран -

сидим, задыхаясь, в осаде,

А там - распутицы космы,

улиц не разглядеть.

Е.Аксельрод, "Апрель"

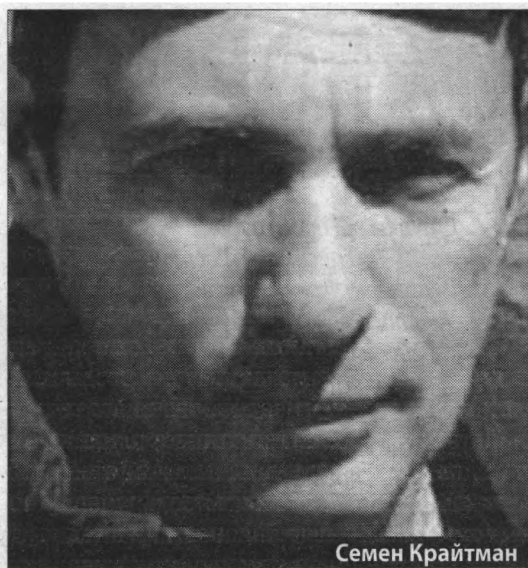
Однако чаще всего память о советском и российском житье мучительна: "Я в юность бы вернуться не хотел" (М.Беркович); "Я - еврейка, мне верить России нельзя. / Мы с Россией друг друга ещё не простили. (...) / Ни врагов, ни друзей - адвокаты и судьи / вычисляют-считают "жидовский расчёт". / Мне Россия родною вовеки не будет - / ни одной моей жертвы она не возьмёт" (Э.Ракитская).

Немалое место в израильских русскоязычных стихах занимают библейские и исторические сюжеты - исход евреев из Египта, сожжение Содома и спасение Лота, любовь Соломона и Суламифи, еврейские цари и пророки, подвиг Маккавеев: "Как вдревле собрался наш вещий Моше..." М.Берковича, "Авраам" В.Добина, "В пригороде Содома" И.Лиснянской, "Плач Лота" А.Волохонского, "Модиин" И.Дегена; "И улыбались хмурые пророки, / забыв на время о моей вине" (С.Крайтман). История свидетельствует: "Пережили здесь Пилата и Тиберию, / Ирод тоже, скажем честно, был не мёд. / И обрушились с грохотом империи, / А народ еврейский знай себе живёт" (Ю.Арустамов). Но бывает и наоборот - насмешливый зачин не означает благополучного конца: "Солгал великий Микельанжело", создав необрезанного Давида, но такова участь евреев - они всегда "оболганы и обворованы" (И.Деген "Ещё одна фальсификация"). Невозможно забыть и о Холокосте - "Жёлтая звезда" В.Добина, "Он лепил хлеб из песка" Е.Бауха, "Скрипач из гетто" и "Анна Франк" Р.Левинзон, "Хеврон" И. Дегена (о тех, кто, наивно веря в "совесть мировую", шли на смерть, надеясь, "что их ведут помыться в душевую").

И все же преобладают произведения о современном Израиле, о социальных проблемах и экономических трудностях, о терактах и войнах, о непростой абсорбции российских олим. Далеко не с распростертыми объятиями их принимали коренные израильтяне. Если в России евреев обзывали "жидами", "пархатыми", то здесь они слышали: "Русские идут! Бегут, как саранча, олимь!"

(С.Аксенова-Штейнград). Не привычные к жаре, они жаловались на суховеи - "Шараф" - как про снаряд. / Как горизонт уныл и тесен. / Все сто холмов, за рядом ряд / Хамсин вплотную занавесил" (С.Погреб). Они резко критиковали и негодовали против "одностроннего размежевания" ("подлый трюк", угроза стране) и разрушения городков и поселений - "автограф близоруких идиотов" (И. Деген). Не знакомые с еврейским языком и письмом, они с трудом осваивали иврит: "И что мне в этих буквах летящих (...) / Я всматриваюсь в них, я их учу. / Вот-вот коснусь и приручу, / Они приходят, радуясь, кружа, / И тянется, и длится ворожба" (Р.Левинзон); "Я пришёл к тебе с гласными, / цепкими, как репей. (...) / встретить твой взгляд, / понять твой густой язык" (С.Крайтман). Не знающие старинных обычаев, они привыкают отмечать субботу и еврейские праздники, сожалея, что не соблюдали традиций ("Канун субботы в Маале-Адумим" Е.Аксельрод, "Иом-Кипур" С.Погреб, "Девятое Аба" И.Дегена). Люди светские, далекие от иудаизма, не могут не поражаться, видя, как "толпа мужчин, все с книгами в руках, / укравшись с головой в молитвенные шали, / как поле спелое волнуется в печали, / взорвавшись песней, кается в грехах" (Н.Вайман "Страшные дни"). Они заговорили на иврите, росли в израильскую жизнь, называют себя русскими израильтянами и гордятся этим званием. Но многие из них печалются, думая о судьбе русского языка и русских книг в Израиле. Мы их везли с собой, так как уехать без них не могли, и здесь они нас спасали в "минуту жизни трудную", когда инженеры подметали улицы, филологи работали посудомойками, а математики - малярами. А теперь книги состарились вместе с нами, и наши внуки, почти забывшие русский язык, выбрасывают их на помойку: "Этих траурных книг у меня уже целая библиотека". Это стихотворение Марка Шехтмана "Русские книги в Израиле" я не могу читать без сердечной боли и комка в горле - ведь все это и про меня.

Русско-еврейские поэты стремятся вжиться в израильское бытие, чтобы разгадать и понять и душу, и характер своего народа: "Хотя еврейство - горькое вино (...) / Мы помним, отчего оно горчит. / От слез и боли, страха и обид. / Но мы его, почти не морщась, пьём / И всем назло - / Живём, живём, живём!" (В.Добин); "Здесь песенка любая о стране (...) / Так нежен, так протяжен каждый звук, / Как будто в нём предчувствие разлук, / И сам напев тоскует, предвещая / Господен гнев, изгнание из рая" (Е.Аксельрод "Песни Израиля"); "Еврейского характера загадоч-

Семен Крайтман

Светлана Аксенова-Штейнгруд

ность / не гений совместила со злодейством, / а жертвенно хрустальную порядочность / с таким же неумным прохиндейством" (И. Губерман). А Ион Деген, с которым мы недавно простились, в своем стихотворении "Еврейский народ" из цикла "Из стихов равнодушного израильтянина" (1994-2005), размышляя о характерных свойствах родного народа, способствовавших его избранности, пишет об этом в еврейском духе - в виде вопросов: "Уменье ли абстрактно рассуждать? / Иль на упрямстве он замешан круто? / Или терпенье в катастрофах ждать? / Не лучше он. / Но избран почему-то. (...) / И то, что Е равно ЭМЦэ квадрат, / Открылось взору мудрого еврея".

Что касается писателей-евреев, оставшихся в России, то по мнению критика Л.Аннинского, высказанному им в сборнике "Свет двуединый: евреи и Россия в современной поэзии" (М., 1996), "Русско-еврейский диалог завершается (...). Все: нет больше в России евреев". Это не совсем так - они все еще есть. И в их творчестве наблюдаются три тенденции. Первая - полная ассимиляция и восприятие России как любимой родины, а себя как истинных россиян (Ю.Мориц, Е. Рейн, Л.Миллер, Ю.Карабчиевский, М. Айзенберг, В.Рецептер и др.). Так, Е.Бунимович убежден, что он "сосел с конвейера Москвы" и "продукт страны", и "Нет России кроме России и Патриарших прудов посересть её". Большинство российских стихотворцев-евреев мало интересуется "еврейский вопрос". Ну разве что, кто-то, посетив брата в Израиле, твердит ему о России, а тот - о своей стране, и оба правы (М.Грозовский), а кто-то удивляется: "Мой русский внук, ты пишешь на иврите" (Ю.Карабчиевский); кто-то возмущается: "Ведь смолчишь, страна огромная, / На все стороны одна, / Как пойдёт волна погромная, / Ураганная волна?" (В.Долина), а кто-то проявит интерес к библейским мифам (Г.Гецевич "Ветхозаветное"). У Е.Рейна мелькают упоминания о блудном сыне и Иегове (рядом с Христом), который может лишить его "мандата"; о "еврейской астме" Багрицкого. У Л. Миллера - о "задохнувшемся" Корчаке, который "нам дышать помогает и жить". В стихотворении В.Рецептера "Шагал" то ли автор, то ли герой задает вопрос: "Или тайная память твоя / За чертою оседлости бродит?", ведь "нет Руси без еврейской глуши". Любопытное сравнение разных языков находим у Ю. Каплана: в эскимосском - несколько синонимов слова "снег", в арабском - 800 синонимов к "воплю верблюда", а в иврите - 30 синонимов слова "вопрос", "ибо мы рождены под

знаком?" ("Под знаком вопроса").

Вторая тенденция - появление и усиление еврейских мотивов в стихах поэтов-евреев, например, А.Кушнера и А.Аронова. Поздний Кушнер чуть ли не впервые вслух сознался в своем еврействе, предположив, что, родись он в Германии, то "давно в аду газовом сгинул, сгорел бы, как щепка в огне", но ему повезло родиться в России ("такой, сякой, возмутительной, сладко не жившей ни дня, бесстыдной, бесправной, замученной, кромешной"), где у него был шанс выжить ("Когда б я родился в Германии в том же году..."). А в кинохронике поэт как-то увидел мальчика "с глазами, расклеванными ужасом", "человечеством преданного и небесами", и ощутил родство с ним ("Я жил в этом веке - и в том же огне я / Корчусь, мальчик, и в небе пылает звезда"), и поклялся не предать веры своих отцов ("Достидай своих выгод..."). У А. Аронова также есть произведения о Катастрофе. Одно из них - о варшавском гетто, которое горело четыре дня, и поляки говорили: "Клопы горят" ("Гетто. 1943"), а другое - о престарелой польской еврейке, живущей в приюте бесплатно, на всем готовом, изучающей иврит и тоскующей о своей жалкой комнатке в шесть квадратных метров и соседке-антисемитке ("О чём ты там польская плачешь, еврейка?"). В молодости из его уст прозвучал по-юношески пылкий манифест - попытка соединить две звезды, пятиконечную и шестиконечную: "Две боли, два признанья. (...) / Жиды и коммунисты, шаг вперед!" / Я выхожу. В меня стреляйте дважды" ("Вот рвёшься ты, единственная нить").

И все-таки по-настоящему русско-еврейскими писателями, которых глубоко волнует судьба своего народа, можно назвать лишь немногих. Такими были А.Рыбаков, Б. Слуцкий. А в нынешнее время это, на наш взгляд, Семен Липкин (умер в 2003) и Александр Городницкий. Особое место в творчестве первого принадлежит теме Холокоста, причем автор представляет современного Моисея, бредущим "тропью концентрационной" по немецким, польским, советским лагерям, "по всем печам, по всем мертвецким" ("Моисей"), а себя "остывшей золой", что вышла из печи и среди "обезлюженных барачков" шепчет: "Меня сожгли. Как мне добраться до Одессы?" ("Зола"). В пронзительной "Военной песне" (1981) рефрен "Мы победили. Плакать нельзя" сопровождается картинами лагерей смерти, "чёрными печами да мыловарнями", а в финале образом матери умершего ребенка: "Мама, закутай дочку в простынку, / Пой, балалайка, пла-

кать нельзя". И кажется, что слышна мелодия "Шпиль, балалайка". Есть у Липкина удивительное стихотворение "Союз"(1967) о маленьком племени И в "азиатском заморье": "И-я знаю: сойдёт с колеи, / Человечество быть не сумеет / Без народа по имени И". И все хорошо понимали, о каком народе идет речь, тем более в 1967 году. Обращаясь к образам Адама и Евы, Авеля и Каина, Исая и Авраама, Моисея и Руфи, трагической участи средневекового ученого Иегуды Галеви и Осипа Мандельштама, поэт размышлял о роли евреев в мировой истории, об их участии в жизни разных народов (египтян, эллинов, русских): "Какая нам задана участь, / Где будет покой от погонь? / Иль мы - кочевая горючесть, / Бесплотный и вечный огонь?" Неужели нам суждено чужие "утеплять очаги"? ("Кочевой огонь", 1973). А себя самого Липкин назвал "отпрыском разума и безумия", отдающим людям свои "молебствия" и "крамольность", и тревожился за будущее человечества - "Что мы знаем, поющие в бездне, о грядущем своём далеке?"

Как и Липкин, А.Городницкий в 60-е годы обратился к теме Катастрофы (песни "Освенцим", "По Освенциму ветер гуляет", "Треблинка"): "А евреи по небу серым облачком реют, / Их могил не отыщешь, кусая губу: / Ведь евреи мудрее, ведь евреи хитрее, - / Ближе к Богу пролезли в дымовую трубу". А в 90-е годы, вероятно, в связи с частыми поездками в Израиль, в гости к сыну, был создан целый поэтический цикл, посвященный еврейским проблемам, с первым стихотворением "Мне говорят, что нужно уезжать", в котором говорится о "чёрнорубашечной рати", о "неотвратимости бедствий" и об эмиграции родственников: "Уже последний отзвенел звонок, / Но медлю я, прикинув, как Овидий, / К родной земле, где я не одинок, / Где есть кого любить и ненавидеть". И вслед за ним, как из рога изобилия, посыпались стихи - "Монолог Моисея", "Меня приучали, что здесь я чужой" ("Мне русским поэтом не быть никогда"), "Полукровка", "Эмиграция" ("Вовек вам желаю не знать ностальгии, / Мои дорогие!"), "А мы из мест, где жили деды", "Иерусалим" ("Этот город, стоявший две тысячи лет / У подножия храма, которого нет", "Переживший и Ветхий, и Новый Завет"), "Содом", "Остров Израиль" ("Загорится маяк на скале неприступной Масады, / В океане времён созывая плывущих домой"), "Фрейлекс", "Эксодус" ("Время европейского еврейства миновало", "С кем теперь советоваться будем? / На кого валить свои несчастья?"), "Евреи", "Жизнь как лето коротка".

Городницкий вспоминает военное детство, когда соседские мальчишки дразнили воробьев "жидами", и он ощущает свою близость к "бесприютной рыжей птахе", пляшущей "семь сорок" "на асфальте чужих городов" ("Воробей"). А сейчас он радуется, глядя на внучку, которой в честь бабушки дали имя Рахиль ("Рахиль"). И пробует читать ТАНАХ, "неизменную Книгу книг", и ему не кажется тесным маленький Израиль: "И времени немеряный простор / Мне дул в лицо из узкого пространства". "Не познавший Родину и род свой", поэт пытается найти свой народ и страдает от "двойного сиротства" и "двойного изгойства": "Не могу я впредь называться русским, / Никогда не сделаюсь я евреем" ("Отыскать пытаясь родной народ свой..."); "И стою я под Стеною Плача / В позднем по-

каянии жестоком" ("Выросший в культуре европейской..."). На ум приходят печальные мысли о чужбине, ставшей отчизной ("Ты мне навеки в мачехи дана"), о том, что "мы пленники диаспоры убогой" - "мы ближе всех народов к Богу, / а Богу, говорят, не нужен дом" ("Диаспора", 1996). И вот горестный вывод: "Жизнь моя не имеет смысла. / Ибо свободным себя признавший / От языка своего и предков, / Родины, сына, жены и Бога, / Жить недостоин на этом свете" ("Гет", 1997). Не дай Бог никому на склоне лет прийти к такому неутешительному итогу!

Третья тенденция, пожалуй, самая неожиданная - о своей принадлежности к еврейским корням объявили полувевреи (по матери или отцу): "Я - полукровка, чем и горжусь", "Дед мой похоронен на еврейском кладбище" (Р.Казакова); "Я праправнучка рослых датчан, / Обожаю балтийские выюги. / Точно так же мне чудом ясны / Звуки речи, картошкой, как речка. / Это предки с другой стороны / Были учителя из местечка" (Татьяна Бек); "Во мне бурлит смешение кровей... / Признаюсь, по отцу я чисто русский, / По матери, простите, я - еврей. / А быть жидом в стране родимой грустно" (Э.Рязанов). А у Д.Быкова не только "смешение кровей", но и суждений. С одной стороны, он ратует за рассеивание евреев по всему миру и считает Израиль "исторической ошибкой" (соль должна быть в супе, а не в солонке), а с другой стороны, в "Послании к евреям" (1991) провозглашает: "Мы - евреи! / Сколько нас давят - а всё не достигли цели. / Как ни сжигали со света, а мы всё целы. / Как ни топтали нас, как ни тянули жилы, / Что ни творили с нами - а мы всё живы". По Быкову выходит, что евреи должны добровольно становиться жертвами, живя в разных странах, среди чужих наций.

Думается, что такое возрождение и оживление еврейских настроений у российских евреев происходит в какой-то мере и под влиянием извечного русского антисемитизма и в простом народе, и в среде интеллигенции (вспомните стихи Б.Слуцкого и песни В. Высоцкого об антисемитах полувековой давности), который по-прежнему процветает и "смердит": "А на указателе "К могиле Пастернака" выведено "Жид" (Р.Казакова); "Я не русский поэт, просто русскоязычный, / просто думать по-русски мне с детства привычно. / Я не русский поэт, - успокойтесь же, право, / это ваша земля, это ваша держава. / Это ваши святые просторы, в которых / затерялся случайно судьбы моей шорох, / мои бедные рифмы и бледные строфы, / и душевный порыв, и мои катастрофы" (Р.Заславский).

Нам неведомо, долго ли будет веять этот "русско-еврейский воздух" (Д.Кнут), но пока существует русская поэзия с еврейским привкусом, мы будем дышать ею и наслаждаться, познавать что-то новое, переживать за две родины ("еврейская земля и российская культура") и болеть душой за свой народ - помнить его прошлое, волноваться за его настоящее и задумываться о его будущем: "Под вечной звездой Давида, / Влекомые Млечным путем, / Веками влачили обиды / На время и временный дом. // Зачем-то забыв о заветах / Высоких небес и земли, / Под красной звездой Советов / Кровавое бремя несли. // Сквозь эти безумные звёзды / Кто замысел Твой поймёт? / Не рано ли, Боже, не поздно / Свершается грустный Исход?" (С. Аксенова-Штейнгруд).

В ОТДАЛЕННОЙ ДЕРЕВНЕ, У ТОПКИХ БОЛОТ...

Моисей ЛЕМСТЕР

Моей тете Перл (она в то время была беременна) и ее мужу из села Столничень, которых, вместе с другими евреями из близлежащих деревень, расстреляли румынские фашисты осенью 1941 года, - посвящается.

Поговаривали, что кое-кто из местного населения тоже участвовал в расстреле евреев, и никто уж точно не воспрепятствовал этому злодеянию.

Где он только ни жил,
наш скиталец-народ!
В отдаленной деревне, у топких болот
Три еврейских семьи поселились давно,
Знать не зная, что им на веку суждено.

И, как деды и прадеды их испокон,
Одинаково чтили еврейский закон -
Три хозяйки проворные, трое мужей,
Каждый - мастер профессии
важной своей.

Мелкий лавочник,
шерсти красильщик, портной
Отличались и честностью, и добротой.
И чужой уважали, и собственный труд,
А в святую субботу читали Талмуд.

Вёл без прибыли лавочник Зуня дела,
Он обслуживал в долг половину села,
Сам ведь тоже подростком
изведал нужду:
Рассчитаемся позже, а я подожду!

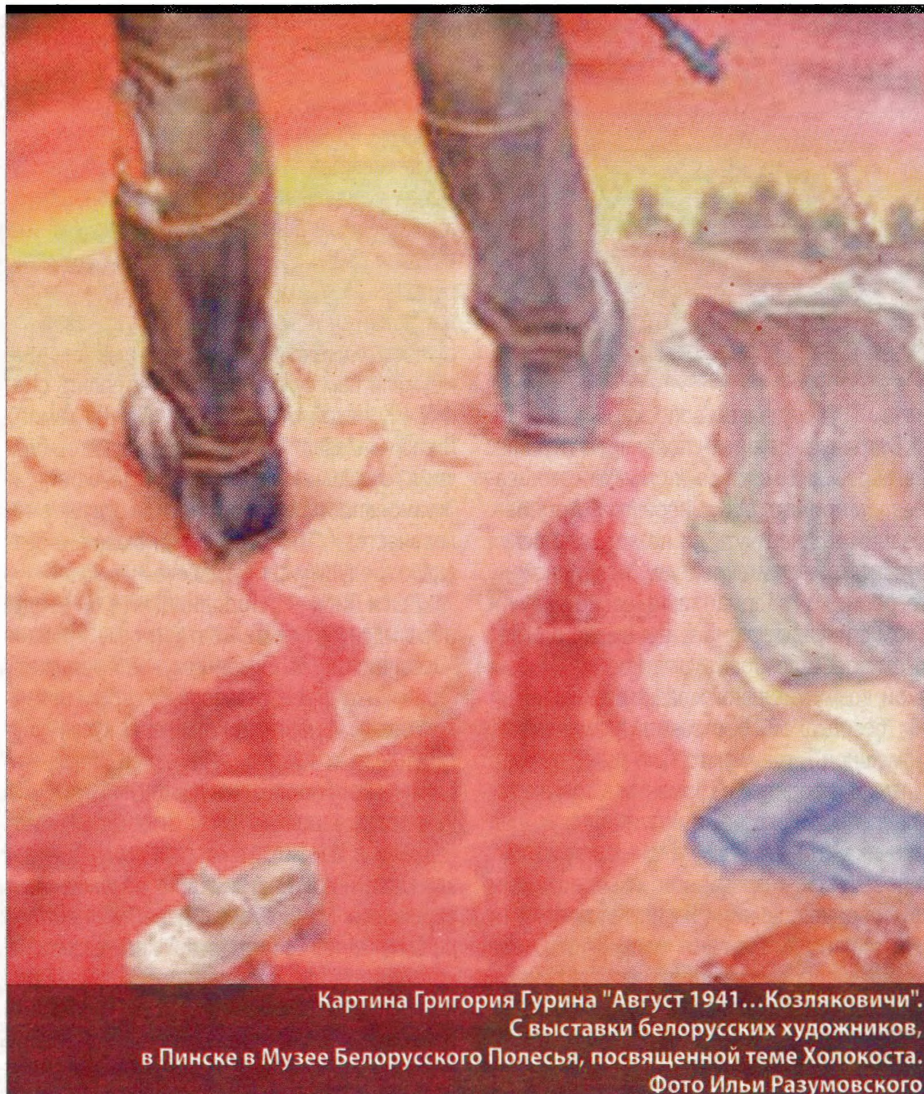
Ну, а местный красильщик,
был скромненький и тих.
В христианских домах у соседей иных,
Как под солнцем поля,
глаз ласкали, пестры,
В нитях, крашеных Гершко,
на стенах ковры.

Подпевал себе Ицко, веселый портной,
Друг и верный, и преданный
нитке с иглой.
Он за скромную плату
пошить был готов
Сколько надо, мужских пиджаков
и штанов.

Три еврейских семейства
вставали чуть свет,
Непрерывно молились, садясь за обед.
Зла они не желали в селе никому,
Вот и не были в ссоре ни с кем потому.

Над деревню этой стоит тишина,
Будто здесь не прошла ураганом война,
И ни близко отсюда, и ни далеко
Нет могилы у Зуни, Гершко и Ицко.

Люди новые выросли в старом селе,
Где покоится страшная правда в земле,
И теперь им уже не поставишь в укор,
То, что деды в евреев стреляли в упор.

Картина Григория Гурина "Август 1941...Козляковичи".
С выставки белорусских художников,
в Пинске в Музее Белорусского Полесья, посвященной теме Холокоста.
Фото Ильи Разумовского

На урок поутру дети в школу спешат,
Но услышат ли там
про еврейских ребят,
Что вели их и взрослых в колонне одной
На расстрел в сорок первом
осенней порой?

Вот такая случилась в Молдове беда!
В смерть ушли три семьи,
не оставив следа,
Но найдете и ныне в домах христиан
Где сервант,
где старинный еврейский диван,

Стул из крепкого дуба
и письменный стол,
И уют на углях, и для варки котел.
Унесли, кто куда, и буфет, и кровать -
И действительно,
что же добро пропадать?

Что не в дом затащили,
поставили в сад.
Сиротливо еврейские вещи стоят,
И на новых хозяев глядят, не дыша,
Только в каждой еврейская плачет душа.

А когда приближается Рош а-Шана,
И деревню пальбой не пробудишь от сна,
Вылетают еврейские вещи в окно,
Не боясь, что и пусто вокруг, и темно.

Освещает им путь за дома, за стога
Пламя, что вырывается из утюга,
А котел, а ему лет под двести на вид,
Как когда-то давно, и шумит, и гудит.

Эти вещи, как вещие птицы летят
За село, где болотный разносится чад,
Там и кружат они у расстрельного рва.
Все тропинки к нему укрывает трава.

Воцарилась навеки здесь мертвая тишь,
И никто не прочтет по евреям кадиш.
Негде камешек
в память о них положить...
Горе, если времен прерывается нить!

... Где он только ни жил,
наш скиталец-народ!
В отдаленной деревне, у топких болот
Поселились когда-то в деревне одной
Мелкий лавочник, шерсти красильщик,
портной.
Перевел с языка идиш Фрэдди Зорин

